

An aerial photograph of the Old City of Jerusalem, showing its dense, terracotta-roofed buildings. A large, solid black circle is superimposed in the center of the image, framing the title and subtitle. The text is in white and black, providing high contrast against the background and the black circle.

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

ЦИАНИД ПО-ТУРЕЦКИ

**Антология
детектива**

**Иерусалим
2011**

Александр Рыбалка

Цианид по-турецки (сборник)

«Млечный путь»

2011

Рыбалка А.

Цианид по-турецки (сборник) / А. Рыбалка — «Млечный путь», 2011

В этой антологии собраны повести и рассказы, написанные в жанре «классического детектива», где преступление раскрывается в результате интенсивной интеллектуальной деятельности сыщика-детектива. Во вступительном эссе Даниэль Клугер рассказывает об истории классического детектива, его судьбе и месте в современном литературном процессе. В его же повести «Поединок в Лорбрульгруде» читатель встретится с самим Лемюэлем Гулливером, раскрывшим убийство в стране лилипутов. Действие «Пуримшпиля» Леонида Шифмана происходит в США, «Ошибки» Ольги Бэйс разворачивается в придуманной стране Сент-Ривер, а события «Цианида по-турецки» Павла Амнуэля происходят в реальном Израиле, но в ближайшем будущем. Герой рассказов Александра Рыбалка «Который час?» и «Ледяная нога» расследует преступления в Вальдецком княжестве, а Мишель Александр в миниатюре «Ужас Сток-Морона» парадоксальным образом совмещает классический детектив с другим популярным жанром – литературой ужасов.

Содержание

Даниэль Клугер	5
Леонид Шифман	7
Пролог	7
Глава 1. Путешествие в Древнюю Грецию	8
Глава 2. Убийство на улице Рамбам	10
Глава 3. Печальный конец Билла Лесли	15
Глава 4. Допрос	18
Глава 5. Зову я смерть...	22
Глава 6. Новый подозреваемый	26
Глава 7. Так кто же все-таки убил Рэйчел Лурье?	31
Глава 8. Рут Голдстайн	33
Глава 9. Эмпирическое правило Генри Тамона	36
Глава 10. Кому мешала Рэйчел Лурье?	38
Глава 11. Подруги	42
Глава 12. Генри Тамон находит смысл	44
Глава 13. Неудавшиеся свидания с дамой	47
Глава 14. Эмма Киршенфельд	51
Глава 15. Доктор Ватсон догадался	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Павел Амнуэль, Ольга Бэйс, Мишель Александр, Леонид Шифман, Даниэль Клугер, Александр Рыбалка Цианид по-турецки

Даниэль Клугер ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РОМАН ИЛИ СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ? Заметки о классическом детективе

Появление этого сборника дало хороший повод порассуждать о том, что такое детектив вообще, чем отличается классический детектив от неклассического и, пожалуй, самое главное: не устарел ли это жанр, не стал ли он литературным анахронизмом.

Прежде всего – небольшой экскурс в историю. Детектив – один из немногих литературных жанров, имеющих точную и общепринятую дату рождения: 1841 год. Именно в 1841 году увидел свет рассказ Эдгара По «Убийства на улице Морг», считающийся первым детективным произведением мировой литературы. Правда, в 1819 году из-под пера немецкого романтика Эрнеста Теодора Амадея Гофмана вышла новелла «Мадемуазель Скюдери», имеющая все признаки детектива. Причем признаки, во многом возрожденные и развитые нынешними историческими триллерами. Но так уж сложилось в мировом литературоведении – считать именно Эдгара По родоначальником жанра, и мы не будем спорить с этим устоявшимся мнением. Тем более, и это весьма важно в нашем случае, именно Эдгар По создал образ сыщика и метод раскрытия преступлений, на котором зиждется именно та разновидность современного детектива, которую принято определять как «классический детектив» (в отличие от полицейского, политического, шпионского и некоторых других).

В то же время произведения «отцов-основателей» (Э.Т.А. Гофмана, Э. А. По, У. Коллинза, А. Конан Дойла и т. д.) еще не определили окончательного канона, который получил свое воплощение и развитие в «золотой век детектива» – как называют критики период 20-х – 30-х годов XX века. Канон определился такими писателями и теоретиками жанра, как Г. Честертон, С. С. Ван Дайн, Эрл Биггерс, Рекс Стаут, Эрл Гарднер, Раймонд Чандлер, Микки Спиллейн и многие другие. Объем данной статьи не позволяет подробно писать о творчестве каждого из них. Но именно их романы и рассказы (а в некоторых случаях, статьи и эссе) сформировали структуру классического детективного произведения: сыщик – гениальный одиночка. Метод же раскрытия преступления в этих произведениях четче и лаконичнее всего сформулировал Х. Борхес: «В основе детектива лежит тайна, раскрываемая работой ума, умственным усилием». Иными словами – преступление можно раскрыть исключительно интеллектуальным путем, не прибегая ни к технологическим новинкам, ни к криминалистическим анализам, ни к агентурной работе. В этом смысле образцом классического детектива следует считать рассказы Честертона о патере Брауне. Но, в той или иной степени, к этому идеалу (идеальному детективу) близки и персонажи прочих писателей, упомянутых выше.

Можно сделать вывод, что детектив, в первую очередь, характеризуется особенностями образа героя: это одиночка, обладающий уникальными, гениальными способностями к анализу. Его уникальность из того же ряда, что и уникальность героя волшебной сказки. Да он, собственно говоря, и есть сказочный герой, Иван-царевич, притворяющийся реальным и даже

скучноватым современником читателя и действующий в тридевятиом царстве, лишь маскирующийся под соседнюю улицу. Ибо детектив, на самом деле, чрезвычайно родственен волшебной сказке.

Когда мы говорим о характерном для классического детектива герое-одиночке, это вовсе не означает, что он непременно должен быть сыщиком-дилетантом, любителем, непрофессионалом. Вовсе нет: почти все герои детективов «золотого века» именно профессионалы. Перри Мэйсон – действующий адвокат, Эркюль Пуаро – бывший полицейский, Майк Хаммер – тоже; и вряд ли безымянного оперативника из первых романов и рассказов Дэшила Хэммета можно назвать дилетантом потому лишь, что он работает не в полиции, а в частном детективном бюро «Континенталь» (прообразом которого послужило всемирно известное агентство Пинкертона). Инспектор Морс из романов Колина Декстера и инспектор Барнаби из книг Кэролайн Грин (оба сериала экранизированы британским телевидением) – действующие полицейские. В то же время, эти романы несомненно относятся не к полицейским историям (куда по формальным признакам они как будто просятся), а к тому жанру, который мы разбираем. Почему? Прежде всего, поскольку полицейский роман не подпадает под определение Борхеса: в нем преступления раскрываются, в основном, с помощью агентурной работы, наличия осведомителей, участия полицейских разных специализаций, криминалистических экспертиз, и так далее, и тому подобного. Иными словами, полицейский роман демонстрирует читателю работу по раскрытию преступлений во всей ее сложности, ближе всего подходя к реальной картине. Полицейский роман, в первую очередь, роман производственный. Герои детектива, в принципе, не нуждаются в технологических подпорках для разоблачения преступника. И, поскольку инспектор Барнаби из Мидсоммера интересуется отпечатками пальцев не больше, чем Эркюль Пуаро, мы и ставим его в один ряд с тщеславным бельгийцем, а не с Глебом Жегловым или Стивеном Кореллой. Другой тип образа и другие функции этот образ выполняет. Оружие сыщика из классических детективов – наблюдательность, аналитические способности и жизненный опыт. Оружие сыщика из полицейского детектива – система правоохранительных и судебных органов, новейшие технологические новинки, лаборатории, полицейские архивы, корпус агентов-осведомителей. Эта разница, кстати, одна из причин, по которым героя классического детектива легко можно поместить в фантастическую среду (например, на космическую станцию, как это сделали чешские писатели Брабанец и Веселы) или в минувшую эпоху (скажем, в Древний Египет, как поступила Агата Кристи). Герой полицейского романа окажется в подобных обстоятельствах совершенно беспомощным. Но не потому, что он – полицейский по профессии, а потому, что, в отличие от сыщика «классического», не является одиночкой. Данная особенность не достоинство и не недостаток – таковы черты двух похожих, но, по сути своей, разных жанров.

После всего, изложенного выше, может показаться, что классический детектив однообразен, его сюжеты повторяются, а характеры схематичны. Однако так может показаться лишь на первый взгляд. На самом деле, строгость формы, заданность конструкции лишь способствуют проявлению литературной изощренности, изобретательности автора. Тем более что оригинальность сюжетного хода в классическом детективе – категория эстетическая, являющаяся частью жанрового канона. Внутреннее разнообразие при формальной жесткости можно считать одной из отличительных черт классического детектива.

Нет, канон ничуть не мешает ни разнообразию места и времени действия, ни индивидуализации и психологической глубины образов. И говорить о монотонности классического детектива так же нелепо, как говорить о монотонности сонета.

Подтверждением тому – все новые и новые образцы этого, ничуть не устаревшего жанра, выходящие на всех языках и во всех уголках мира. Будем надеяться, что и произведения, вошедшие в сборник «Цианид по-турецки», не разочаруют любителей классического детектива.

Леонид Шифман ПУРИМШИЛЬ

Пролог

Она лежала на спине, чуть приподняв левый бок и немного запрокинув голову. Черная маска слегка съехала, открыв моему взору верхнюю часть правой щеки, отмеченную большой родинкой. Я обратила внимание на нос удивительно тонкой работы и волевой подбородок. Бархатный бурый капюшон с пришитыми медвежьими ушами выпустил наружу небрежную прядку черных волос.

Из груди девушки вырывались, как стало ясно через несколько секунд, предсмертные хрипы. Губы ее еле заметно шевелились. Она пыталась что-то сказать, но сквозь грохот музыки, доносящейся из-за моей спины, мне почти ничего не удалось понять. Лишь одно слово я скорее разобрала по движению губ, чем явственно расслышала. Я ничем не могла помочь ей.

Крови и орудия убийства мне не было видно. Смертельный удар девушка получила в спину.

– Это слишком банальное начало для повести, Николь, – безапелляционно заявил Генри. – Читатель еще не успел водрузить на нос очки, а вы уже предъявляете ему труп.

– Вы же знаете, Генри, я человек простой, бесхитростный, все как на духу сразу выкладываю. Кроме того, я же не выдумываю ничего из головы и не высасываю из пальцев, пишу все как есть, точно следуя букве и логике событий.

– А может и зря, Николь. Может, лучше вы будете все сочинять, а в свободное время мы займемся программированием? Смотришь, и трупов станет поменьше...

– Когда вы перестанете подтрунивать надо мной, Генри? Ну, хорошо. А с чего бы вы начали повесть?

– Я бы начал с описания погоды.

– «И дождь смывает все следы...» – кого-то процитировала я.

– Нет, для убийства лучше подходит солнечная погода. Контраст. Например, голуби кружились в безоблачном, как будущее принцессы Монако, небе. А дальше: ничто не предвещало, что для кого-то этот день закончится не слишком удачно. Нужно постепенно нагнетать напряжение.

– Вот это и есть банальное начало! Нет, Генри. Пожалуй, я начну повесть как всегда. Мы с вами сидим в удобных креслах и мирно беседуем за чашкой доброго кофе...

Глава 1. Путешествие в Древнюю Грецию

– Конечно, Николь, я вовсе не стремлюсь развеять созданный вами миф о добром и хорошем боссе и при всем желании не смогу придумать неотложной работы на завтра, – очень тихо произнес Генри, продолжая испытывать на прочность свое вращающееся кресло. – Но...

– Неужели есть какие-то «но»? – прикинулась изумленной я, отставив в сторону чашку с недопитым кофе и чуть не выплеснув ее содержимое на клавиатуру.

– О Николь, не волнуйтесь так, просто я помню о ваших способностях притягивать эээ... всякие события.

– Вы намекаете на убийство, произошедшее на свадьбе моей подруги? Вы всерьез полагаете, что если бы меня там не было... – я выскочила из-за стола и принялась пантерой расхаживать по кабинету. – Никогда бы не думала, что вы суеверны, Генри.

– Как говаривал старик Конфуций, не стоит искать черную кошку в темной комнате, особенно если... – Генри сделал паузу, явно предлагая мне закончить фразу.

– Особенно если ее там нет! – как загипнотизированная, выпалила я.

– Особенно если... вы суеверны!

Смехотерапия Генри действует безотказно, и я, немного успокоившись, вернулась за свой рабочий стол, плотно примыкавший торцом к столу Генри.

– Я всего лишь имел в виду, что вашим выходам в свет неизменно сопутствуют какие-нибудь происшествия, вспомните хотя бы свой последний день рождения.

– О, там я познакомилась с Максимилианом Нуаром.

– Я не об этом. Полагаю, вы имеете в виду того молодого адвоката, который до сих пор вам иногда звонит?

– И который пригласил меня на костюмированный бал по случаю еврейского праздника Пурим! Я даже не подозревала, что он еврей.

– Максимилиан Нуар?

– Максимилиан объяснил, что его мать еврейка, а у евреев национальность передается с молоком матери.

– Надеюсь, для вас не имеет значения, что он еврей?

– Конечно, Генри, это не имеет значения, но, как бы это поточнее выразиться, играет роль. Мне интересны народные обычаи. Максимилиан говорит, что это праздник, который согласно традиции еврейские богачи устраивают для бедных. Хлеб и зрелища в одном флаконе.

– Так ваш Максимилиан из богатой семьи? – заговорщически спросил Генри и даже перестал вращать кресло, за что я мысленно поблагодарила его.

– По его словам, он адвокат в четвертом поколении, по отцовской линии, разумеется, а его мать унаследовала долю в каком-то торговом доме. Но вы же меня знаете, Генри. Для меня все это не имеет никакого значения.

– Ну да, мерой всему человек. К тому же я глубоко убежден, что бедных адвокатов не бывает.

– Я знаю ваше отношение к адвокатам и дантистам.

– К дантистам я как раз отношусь очень даже хорошо, – в подтверждение своих слов Генри поклацал зубами.

– А я и не говорила, что вы к ним плохо относитесь... – улыбнулась я, довольная собой. – Так я вас покину завтра часов в пять?

Генри тяжело вздохнул и завертел головой.

– Но вы же не любите праздники! – выложил он последний аргумент.

– Иногда приходится делать и то, что не любишь! – обезоружила его я.

– Только не забудьте прихватить свой мобильник и, если что, звоните, – сдался наконец мой босс.

– Прекратите, Генри.

– А, кстати, у вас есть костюм? Кем вы будете?

– Когда я училась в колледже, я год посещала занятия в театральной студии. Мы ставили спектакль по «Диалогам» Платона...

– Вы играли Ксантиппу? – прервал меня Генри.

– Вы считаете, что это самая подходящая для меня роль?

– Разумеется, Николь! Разве там упоминаются еще какие-нибудь женщины? – иногда даже мне трудно понять, когда Генри шутит, а когда говорит серьезно.

– Какие-нибудь, может, и упоминаются, но я действительно играла Ксантиппу! Вы довольны?

– Так вы будете изображать Ксантиппу?

– Нет, я буду изображать женщину из Древней Греции. Невозможно играть роль Ксантиппы без Сократа.

– Ну да. Кто бы о ней помнил, если бы она не побивала Сократа скалкой.

– Это хорошая идея, Генри. В руках я буду держать скалку, как скипетр.

– Символ власти над Сократом, ее главный аргумент в спорах с ним.

– Но ведь других аргументов у нее просто не могло быть.

– Кстати, все время забываю вас спросить, Николь. У Платона есть диалог, который называется «Федон». Этот Федон случайно не ваш предок?

– Конечно, это мой дедушка. Вы не считаете, что я на него похожа? О, простите, Генри! – я прикусила язык, вечно я забываю, что Генри ничего не видит.

– Ничего, Николь, не обращайтесь внимания.

У меня никак не получается контролировать себя. Мои оговорки случаются не реже раза в неделю, и я тут же принимаюсь извиняться. Но думаю, что совершенно напрасно. Тем самым я лишний раз напоминаю Генри о его изъёме. Но происходит это совершенно автоматически, я не успеваю подумать, как извинения слетают с моих уст.

Генри переключился на клавиатуру. Давно миновали времена, когда он диктовал мне программы. Мы приобрели специальную клавиатуру с азбукой Брайля, и Генри уже барабанит по клавишам не хуже профессиональной машинистки. За какие-то полчаса он запомнил расположение всех клавиш. Теперь он нуждается в моей помощи лишь при отладке программ.

Я устала на экран компьютера. Разноцветные геометрические фигуры исполняли дикий танец, призванный по замыслу режиссера-постановщика уберечь экран от происков злых духов. Но на самом деле я уже перевоплотилась в Ксантиппу и мысленно путешествовала по просторам Древней Греции в поисках своего Сократа.

Глава 2. Убийство на улице Рамбам

Ровно в шесть зазвонил телефон. Максимилиан – единственный на свете адвокат, не заставляющий себя ждать. Впрочем, мой опыт общения с представителями этой древнейшей профессии не столь велик.

Как-то мне пришлось по пустяковому вопросу обратиться к адвокату за консультацией. Он назначил мне время, и я, как умная Мэри, заявила во-время. В приемной лениво переругивались человек пять-шесть, которым было назначено на одно и то же время. К счастью, мне не пришлось провести там более получаса: в углу стоял компьютер, подключенный к Интернету. Я быстро раскопала несколько статей по интересующей меня теме и нашла исчерпывающие ответы на все свои вопросы.

Я уже минут двадцать как была готова. В последний раз покрутилась перед зеркалом в своем ниспадающем хитоне, взлохматила голову, повесила на руку плащ, взяла скалку и спустилась вниз.

Уже смеркалось. Грозовые тучи, захватившие полнеба, грозили пролиться. Я восприняла угрозу всерьез и пожалела, что не прихватила зонтик. Подниматься на четвертый этаж без лифта было смертельно лень, и я легко уговорила себя, что возвращаться – плохая примета.

Максимилиан мусолил «гавану», облокотившись на открытую дверцу своей серебристой «тойоты». Увидев меня, он расхохотался, но тут же закашлялся, и я с удовольствием огрела его скалкой по спине. Он был облачен в одеяние адвоката, только адвокатскую шапку он снял, бросив ее на сидение машины.

– Тебе ужасно идет, – придя в себя и описав пару кругов вокруг меня, наконец, вымолвил он.

– Спасибо, Макс. Но и ты бы мог для разнообразия сменить костюм.

– Зачем? Разве я плохо смотрюсь в качестве средневекового крючкотвора?

– Да, ваша форменная одежда ничуть не меняется с течением времени. На нее не влияет даже смена законов?

– Влияет. Каждый новый закон ложится на нее заплатай. А хорошо бы когда-нибудь скроить новый кафтан... Но самое печальное, что не меняется природа человека. Если сравнивать преступления средневековья с современными, то легко увидеть, что их мотивы неизменны: власть, деньги, секс. Прогресс замечен лишь в технике исполнения, но это ты знаешь лучше меня. Впрочем, не будем о грустном, сегодня все-таки праздник! Давай-ка, детка, садись! – он затушил сигару, распахнул дверцу машины и помог мне устроиться на переднем сиденье.

По дороге я рассказывала о смехотворных опасениях Генри, но Макс воспринял их с полной серьезностью.

– Это же Пурим, праздник, связанный с двумя убийствами. Первое удалось предупредить: злокозненный потомок амалекров хотел погубить своего конкурента Мордехая, но его интрига привела к обратному результату и казнен был именно он, а в назидание народу вслед за ним казнили и десять его сыновей.

– О времена, о нравы!

– Ничего, детка. Кое с кем иначе нельзя... Это я тебе как адвокат говорю.

– Надеюсь, на празднике не будет никаких ритуальных жертвоприношений?

– Ты чего? Это тебе твой любимый босс наплел? Ничего такого, детка. У нас это не принято с ветхозаветных времен.

Я с трудом сдержалась, чтобы не пустить в ход скалку: миллион раз просила Макса не называть меня деткой.

– Но ты должна быть начеку, детка, – продолжал Макс. – Все-таки это маскарад, множество людей, скрывающихся за масками, кто знает, что у них на уме... Маскарад – самое подходящее место для сведения счетов.

– Ты специально пытаешься напугать меня, Макс? У тебя ничего не получится. Мне хватило пророчеств Генри.

– Ладно, детка. Конечно, я шучу. Будет вкусная еда, небольшой спектакль и танцы. Кошерному еврею полагается напиться так, чтобы Амана не отличать от Мордехая, но к тебе это не относится, а я за рулем.

– Помнится, ты обещал мои любимые булочки с маком. Я уже решила, что завтра у меня будет «разгрузочный» день.

– Ты забыла, что завтра мы обедаем у мамы?

– Ох. Мне придется выбирать между булочками с маком и фаршированным карпом.

– Надеюсь, ты сделаешь правильный выбор.

Мы выехали на Рамбам-авеню и оказались почти у цели. Еврейский квартал мало чем отличается от остальных, разве что странными названиями улиц, наличием синагоги и большого количества религиозных евреев, перепутавших время и эдак лет на триста отставших от современной моды.

Макс нашел парковку недалеко от общинного дома. Мы надели маскарадные маски, я взяла Макса под руку и, образовав весьма экстравагантную пару, мы двинулись в сторону общинного дома, из которого уже доносился веселый шум праздника.

Для прогулки в хитоне было довольно прохладно, я накинула плащ и попросила Макса прибавить шаг. Общинный дом, занимавший двухэтажный старинный особняк из когда-то красного кирпича, с облупившимися и закопченными стенами, как две капли воды походил на здание общественной бани, куда в детстве мама силком водила меня по четвергам. Я даже засомневалась, как в таком мрачном строении, отродясь не знавшем ремонта, можно организовать веселый праздник. Зато внутри общинный дом являл собой полную противоположность. Мраморные полы и колонны, персидские ковры с восточным орнаментом, обилие зеркал, витражи в окнах. Все свидетельствовало о респектабельности его владельцев.

Первый этаж занимали гардероб, буфет, комнаты для занятий и различные служебные помещения. Зал для торжеств располагался на втором этаже.

Когда мы поднялись по широкой мраморной лестнице в зал, у меня закружилась голова от мелькавших разноцветных костюмов и масок. Взад и вперед без конца бегали перекрикивавшие друг друга дети и подростки. Взрослые, отвыкшие от шумных детских забав, жались к стенам.

Кого здесь только не было: царица Эстер, ее дядя Мордехай, царь Ахашверош, Аман. Макс оказался знатоком древнееврейской истории и с удовольствием во всех подробностях представил мне героев Пурима. Хватало и современных аманов: легко узнавались бин Ладен, Саддам Хусейн, Ясер Арафат.

А между ними сновали традиционные маскарадные персонажи: индейцы, японцы (или китайцы), матросы, мушкетеры, арлекины и разные животные от гризли до кроликов.

Стены зала украшали разноцветные воздушные шары, хотя назвать их шарами можно лишь условно: какие только формы они не принимали! Шары крепились нитками к рамам картин, украшавших стены. Максимилиан, проследив мой заинтересованный взгляд, пояснил, что это лучшие работы детской художественной школы при общинном доме.

В дальнем конце зала немного возвышалась сцена, перед ней расположились стулья, составленные рядами, как в театре, а справа вдоль окон привлекал всеобщее внимание длинный стол (или несколько сдвинутых столов), накрытый простой синей скатертью и уставленный сладостями, одноразовыми тарелками и стаканами. Тут же стояли электрокипятильники и подносы с сахаром, чаем, кофе...

На почетном месте расположились батареи бутылок красного вина. Саддам Хусейн подмигнул мне и радостно сообщил, что вино специально по случаю Пурима выписано из Израиля. Макс принялся угощать меня «ушками Амана» – смешными треугольными пирожками с молотым маком. Я с трудом остановилась, вела себя неприлично, хрюкала от удовольствия и облизывала пальцы, но что взять с древней гречанки?

Какой-то Пиноккио вырвал у меня из рук скалку и с криками пустился наутек. Но далеко утечь ему не удалось – Макс повел себя как мужчина и бросился вдогонку. Пиноккио остался с носом, а скалка вернулась к своей законной владелице.

Спустя с полчаса, когда урны для мусора переполнились грязной посудой, а от пирожков с маком остался лишь слой крошек и сахарной пудры на скатерти, началось движение на сцене, и сам царь Ахашверош призвал присутствующих занимать сидячие места перед сценой.

Представление шло на идиш и не заняло много времени. Макс понимал чуть больше моего, но зато хорошо ориентировался в сюжете. Самодеятельные артисты разыгрывали историю праздника Пурим, не смущаясь шума в зале. Утомить детей, без всякого вина не отличавших Амана от Мордехая, никто и не пытался.

Аман долго лелеял коварные замыслы против Мордехая и всего еврейского народа, наущничал Ахашверошу. Казалось, что царь принимает сторону Амана, и евреям угрожает смертельная опасность, но вмешивается царица Эстер, жена Ахашвероша, и делом доказывает, что красивой молодой женщине подвластны даже судьбы народов. Она разоблачает Амана в глазах царя, и Ахашверош казнит злодея и его сыновей. Все кончается излияниями бурной радости и всеобщим весельем.

Я предполагала, что сейчас начнутся обещанные Максом танцы, но на сцене, семеня короткими ножками, появился смешной толстяк, облаченный в традиционные одежды религиозного еврея. Я подумала, что его полному розовощекому лицу больше подошел бы костюм Ниф-Нифа. Одной рукой он непрерывно мял носовой платок, а другой крепко сжимал микрофон, картинно оттопыривая мизинец. Я решила, что он пародирует Грету Бильд.

– Уважаемые дамы и господа! – обратился к присутствующим толстяк. Разобрать его слова было не так просто: он, почти не останавливаясь, самозабвенно жевал жвачную резинку. – Дорогие евреи и те, кто еще нет! Меня зовут Авраам Брувер, и я руковожу лабораторией генной инженерии, созданной на средства фонда Билла Гейтса. Сегодня, когда мы празднуем чудесное спасение еврейского народа, я хочу сделать для вас... я хочу сообщить вам об успехах нашей лаборатории! Без ложной скромности скажу вам: это исторический момент!

– Он похож на шута, а не на генного инженера, – шепнула я на ухо Максу. Вместо ответа он приложил палец ко рту.

Неожиданно в зале стало очень тихо. Даже дети на несколько минут затихли, уловив важность происходящего. Между тем толстячок промокнул платком пот на лбу и продолжал:

– Два года назад институт по исследованию общественного мнения Бруно Фельдмана провел опрос среди светских евреев нашей страны. Опрос показал, что основной причиной, мешающей евреям вернуться в лоно религии, является запрет на применение в пищу белого мяса или, выражаясь прямо и без эвфемизмов, свинины. – Авраам Брувер сделал паузу, выпустил на секунду изо рта зеленоватый пузырь, но тут же втянул его обратно, усиленно заработав челюстями, поправил чуть сползшие с носа очки в старомодной роговой оправе и мощными линзами и внимательно осмотрел сидящих в первых рядах, как бы проверяя их реакцию на свои слова. Оставшись довольным увиденным, он продолжил: – Как вам всем известно, свинья не удовлетворяет одному из признаков кошерности: она, к великому сожалению, не жует жвачку. Мы подумали, что могли бы коренным образом изменить эту ситуацию. Генная инженерия может все! Мы скрестили барана со свиньей и получили овцесвина или свинью Брувера. Это чудесное животное имеет все достоинства свиньи: выглядит в точности как свинья, но жует жвачку как овца! И это поведение свиньи Брувера с Божьей помощью передается по наследству

в ста процентах случаев. В результате многочисленных опытов и неизбежно сопутствующих им ошибок нам удалось выделить ген, ответственный за жевание жвачки. – Лениво ворочая эластичный ком во рту, оратор помолчал, чтобы слушатели успели осознать всю важность достижения возглавляемой им лаборатории. – Дальнейшее – просто. Свинья Брувера отвечает всем требованиям кошерности, упомянутым в Торе! Мы уже подали заявку в Главный Раввинат на признание свиньи Брувера кошерным животным, но, учитывая всю серьезность вопроса, Главный Раввинат собирается вынести его на рассмотрение Совета еврейских мудрецов. Понятно, что это займет уйму времени, но мы готовы ждать столько, сколько потребуется, хоть до прихода Мессии!

– Bravo! Да здравствует Билл Гейтс! Да здравствует Авраам Брувер! Да здравствует овцесвин Брувера! – на одном дыхании выкрикнул высокий женский голос из средних рядов. Все повернулись в сторону кричащей, и та сконфуженно притихла.

Брувер раскланялся, вытер пот, выплюнул в платок жвачку и быстро, как только ему позволяла комплекция, начал передвигаться вглубь сцены, но вдруг остановился как вкопанный, постоял долю секунды спиной к аудитории, а затем повернулся и закончил свой спич:

– Но мы на этом не остановимся! Я надеюсь, что уже в ближайшем будущем нам удастся вывести новую породу овцесвина, покрытую шерстью, что сделает его разведение намного рентабельней.

Я была в шоке от услышанного. И скорее всего, не только я. Раздались отдельные хлопки, выкрики, неуверенный смех, но не было единой реакции зала. Было ощущение, что люди не очень знают, как им следует отнестись к сообщению Авраама Брувера.

– Макс, но разве это... не богохульство?

Макс рассмеялся.

– Понимаешь, это же Пурим. Это праздник, когда евреям полагается высмеивать все, что только можно.

– Ты считаешь, что можно высмеивать и религию? – удивилась я.

– Наш народ прошел через столько испытаний и сохранился, разумеется, благодаря Богу. Но не последнюю роль в этом сыграло чувство юмора. Мы любим смеяться над собой, и это помогает с легкостью сносить шутки других, ведь наши шутки, как правило, остроумней и злей.

– Так кошерная свинья, это тоже шутка?

– Конечно! Даже если свинья Брувера будет жевать свою жвачку без остановки до конца дней своих, это не поможет ей стать кошерной. Дело в том, что в глазах верующего еврея свинья ассоциируется с эллинской культурой, которую во времена Маккавеев греки пытались насильно привить нашему народу, но об этом подробнее поговорим, когда я приглашу тебя на Хануку. Ведь даже слово «свинья» религиозные евреи стараются не произносить.

– Не думаю, что Биллу Гейтсу понравилось бы упоминание его имени в данном контексте...

– Но почему же, Николь? Ничего плохого о нем сказано не было. Но даже если, допустим, Биллу Гейтсу взбрдет в голову подать в суд на Брувера, я берусь защищать его и не сомневаюсь, что смогу это сделать!

Нашу беседу прервали вышедшие на сцену два скрипача в черных фраках и одинаковых вороньих масках – пришло время танцев. Арлекины растащили стулья по периметру зала, расчистив место для желающих размяться.

Задорные еврейские мелодии заставили даже самых ленивых прыгать перед сценой. Макс порывался увлечь меня на центр зала, но мне просто хотелось любоваться происходящим, да и хитон – не самое подходящее одеяние для еврейских танцев. В конце концов, мой кавалер не выдержал и отправился выделывать коленца один, правда, к нему тут же присоединились два ангелочка женского пола, и я пожалела, что согласилась отпустить его.

Обнаружив, что ревную Макса сверх всякой меры, я страшно разозлилась и решила, что мне не повредит ушат холодной воды. Подобрав полы хитона, я чинно проследовала по небольшому коридору в туалетную комнату.

Распахнув дверь, я чуть не налетела на распластавшуюся на полу девушку. Из ее груди вырывались слабеющие хрипы. Я бросилась к ней, но она умерла на моих глазах. Я обошла ее бездыханное тело и только тогда увидела причину ее смерти. Из-под левой лопатки торчала рукоятка какого-то оружия, и под ней образовалась небольшая лужица крови. Кровоизлияние, по-видимому, произошло внутрь.

Выругавшись предпоследними словами (последние мне не известны), я представила самодовольную физиономию босса. Мысленно понося Генри не хуже настоящей Ксантиппы, я вытащила из потайного кармана мобильник и позвонила в полицию. Дежурный записал адрес и принялся давать мне указания, но я отключила телефон – я и без него знала, что мне делать.

Я выскочила из туалетной комнаты и столкнулась с Ясером Арафатом, сбив с него куфию. После секундных колебаний я не решилась доверить этому гнусному типу охранять вход в туалет и послала его за адвокатом. Правильно оценив мое состояние и покосившись на скалку, которую я все еще держала в руках, он без лишних пререканий довольно резво справился с моим заданием и через полминуты вернулся вместе с Максом. Я была в шоке, и мне даже не пришло в голову, что я могла позвонить Макс по мобильному телефону...

Я велела Максимилиану никого не впускать в туалет, а Арафата послала на поиски администратора. Сама же, насколько позволяли сандалии, бросилась бежать. Необходимо было перекрыть все выходы из здания. Продравшись сквозь танцующих, временами используя скалку в качестве рычага, я устремилась к лестнице и ястребом спустилась вниз.

У выходных дверей дежурил охранник, сонный как артерия. Сладко зевая и вежливо прикрывая рот рукой, он сообщил, что за последние минут пятнадцать из здания никто не выходил, зато прибыло семейство крокодилов и, сильно понизив голос, добавил, что у него такое подозрение, что это сам мэр города со своей свитой. Меня не заинтересовали его сны, и я велела ему никого не выпускать.

– Но, уважаемая, это вам не Древняя Греция! – охранник окончательно проснулся и, сильно картавя от волнения, бескомпромиссно ринулся на борьбу за права человека. – У нас уже более двухсот лет как есть конституция!

– Не беспокойтесь, через пару минут я пришлю к вам вашего начальника для подтверждения моих указаний. Его уже ищут.

Арафат и вправду оказался шустрым парнем, и вскоре охранник получил официальный приказ. Я поинтересовалась наличием запасного выхода, и человек в костюме администратора, очень полный мужчина лет сорока пяти, в кипе, уже не способной полностью прикрыть его расплывающуюся лысину, убедительно помахал перед моим носом толстой связкой ключей.

Администратор, назвавшийся Марком Коэном, постановил, что надо прекратить празднество и танцы. Мне не удалось убедить его, что до прибытия полиции этого делать не следует, ведь может начаться паника, давка и все такое. Мистер Коэн, решив показать, кто тут главный, категорически настоял на своем.

Музыка прекратилась, и администратор коротко сообщил о случившемся. Раздались крики, ахи и охи женщин. Веселье испарилось, как не бывало. Лишь дети продолжали носиться и путались под ногами. Марк Коэн предупредил, что до прибытия полиции никто не имеет права выходить из здания и заходить в туалетную комнату на втором этаже. Он понимает и сожалеет, что причиняет определенные неудобства, но придется пользоваться лишь туалетом первого этажа.

Я спустилась вниз, чтобы встретить полицию.

Глава 3. Печальный конец Билла Лесли

Полиция прибыла в кратчайшие сроки, наверняка побив собственный рекорд.

– Инспектор Майлс? – от удивления вскрикнула я, заметив среди полудюжины полицейских знакомое лицо.

Если бы инспектор Майлс родился киноактером, ни за что бы не доверила ему роль инспектора полиции. Добродушное лицо, местами в оспинах, длинные пушистые ресницы, придающие теплоту взгляду, заметная склонность к полноте... Вот в роли доброго дедушки он смотрелся бы куда естественнее. Я вообразила его в уютном домашнем халате в глубоком кожаном кресле рядом с камином... Этакий дивизионный комиссар Мегрэ за пару лет до выхода на пенсию.

– О мой Бог. Я ни за что бы не признал вас, мисс Федона, в таком наряде, – лицо инспектора светилось не очень уместной радостью. – Как поживаете?

Только сейчас я догадалась снять маску.

– Я никак не ожидала вас тут встретить, инспектор.

– Видите ли, Николь, я случайно обратил внимание, кем сделан вызов, и не мог отказать себе в удовольствии встретиться с вами.

– Вы очень любезны, инспектор, но поверьте, не стоит терять времени: здесь произошло ужасное преступление.

– А это вторая причина, по которой я здесь. Я же понимаю, что если вы здесь, то ничего хорошего тут не произошло.

Я вздрогнула от двусмысленности фразы Кристофера Майлса и уже подбирала слова, чтобы высказать ему все, что я по этому поводу думаю, но инспектор опередил меня, сбив с толку неожиданным заявлением.

– Дорогая мисс Федона, я должен поблагодарить вас от имени всего полицейского управления, более того я абсолютно убежден, что вскоре вы получите соответствующее этой благодарности денежное вознаграждение! Благодаря вашим четким и слаженным действиям, нам удалось задержать убийцу.

Скалка с грохотом врезалась в мраморный пол и укатилась под стоящую у стены скамейку. Я проводила ее прощальным взглядом.

– Как, инспектор... Вы уже задержали убийцу? Вы ведь еще даже не дошли до места преступления!

– Дорогая мисс, вы недооцениваете работу полиции и совершенно напрасно.

Я стояла как дура в полном замешательстве. Инспектор Майлс наслаждался ситуацией и никуда не спешил. Но все-таки сострадание не чуждо и полицейскому чину.

– Когда вы позвонили, мобильный полицейский патруль находился за три квартала отсюда. Мы еще не успели завести мотор, чтобы выехать на место происшествия, а Рэй Круфф со своими парнями уже подъехал ко входу этого дома. Как раз в этот момент из окна первого этажа вылезал какой-то субъект в костюме пирата. Заметив полицию, он спрыгнул на землю и бросился бежать. Но наши ребята не дали ему далеко уйти. Самое смешное, что повязка на его глазу вовсе не была маскарадной. В наши руки угодил сам Билл Лесли, рецидивист по кличке Циклоп. Вы, наверное, слышали о зверском убийстве известного баскетболиста Боба Стенфорда?

– Конечно, но прошло уже несколько лет...

– О да! Скоро исполнится три года, как мы охотимся за Циклопом. Когда-то он провел несколько лет за решеткой, но это не пошло ему на пользу. У нас нет сомнений, что именно он убил Боба Стенфорда, оставив без шансов наших мальчиков из «Нэшвиллских жирафов». А дерзкое ограбление сэра Уитмора Ллойда, чуть не ввергшее нас в международный конфликт с

туманным Альбионом? В этом деле чудом обошлось без трупов, точнее, трупа достопочтенного сэра Уитмора. Мы уверены, и у нас есть на то неопровержимые доказательства, это дело рук все того же Циклопа. Есть еще несколько тяжких преступлений, в которых мы подозреваем Билла Лесли, правда, доказательств пока недостаточно, но я не сомневаюсь, что мы выьем из него признание.

Инспектор сильно утомился от такой долгой и эмоциональной речи. Он достал носовой платок и принялся тщательно вытирать пот со лба.

– Мистер Майлс, давайте я вам покажу, где находится труп, – я попыталась вернуть инспектора к событиям сегодняшнего дня.

– Пойдемте, хотя никуда ваш труп не денется, – проворчал он. – Конечно, мы проведем расследование по всем правилам, но, раз уж тут побывал Билл Лесли, о поимке убийцы можно не беспокоиться.

Мы поднялись на второй этаж и, провожаемые тревожно-любопытными взглядами присутствующих, прошли к охраняемой Максимилианом туалетной комнате. Макс, сменивший на посту полицейским, попытался присоединиться к нам, но был задержан Кристофером Майлсом, заявившим, что «делает исключение исключительно для меня», учитывая мои заслуги и прочее, вызвав у Макса очень скептическую улыбку.

Осмотр места преступления не занял много времени. Сначала фотограф сделал с десяток снимков под различными ракурсами, затем врач немного поколдовал над девушкой и аккуратно извлек оружие убийства, продемонстрировав его нам. Им оказался стилет дюймов в десять длиной, включая рукоятку. Кровь на нем успела свернуться. Врач небрежно сунул стилет в полиэтиленовый мешок, услужливо поданный другим служителем порядка. При девушке не оказалось документов, и выяснить личность убитой не удалось. Инспектор Майлс взял меня под руку и вывел из туалета.

– Пойдемте в зал, Николь. Надо найти людей, знающих девушку.

Мы прошли в зал, и инспектор поднялся на сцену. Он несколько раз хлопнул в ладоши, призывая публику выслушать его.

– Господа! – после небольшой заминки инспектор добавил: – Дамы! Нам не удалось установить личность убитой. При ней не оказалось документов, но я уверен, что она пришла сюда не одна. Девушке двадцать, максимум двадцать два года, и она одета в костюм медведя. Если кто-либо из вас может...

Речь инспектора прервал душераздирающий крик:

– Не может этого быть! О боже! Что же я натворила!

Все повернулись в сторону кричавшей, с напряжением ожидая, что последует далее. На девушке хорошо смотрелось подвенечное платье, пышные кружева, рюши, фата, небрежно откиннутая в сторону. Маску она успела снять, и выражение лица не оставляло сомнений, что только что ее покинул жених. Рядом с девушкой, левой рукой поддерживая ее за локоть, а правую положив на эфес шпаги, широко расставив ноги, стоял мушкетер.

– Это Рэйчел Лурье. О боже, боже, – завывая, повторяла она. – Это меня должны были убить, ведь мы с Рэйчел поменялись костюмами!

В этот момент лохматый и бородатый парень в берете с красной звездой, изображавший Че Гевару, ринулся в сторону туалетной комнаты с истеричными криками: «Рэйчел, Рэйчел!»

Его впустили в туалетную комнату лишь получив разрешение от инспектора Майлса. Но двое полицейских твердо взяли Че Гевару под руки, не позволяя приблизиться к трупу. Он неустанно повторял имя девушки, а из его глаз катились слезы...

Когда мы с Майлсом вернулись в зал, инспектор снова взобрался на сцену и попросил остаться лишь тех, кто лично знал Рэйчел Лурье, и тех, кому есть что сказать о происшествии и о человеке, явившемся на праздник в костюме пирата. Все остальные, оставив свои личные данные, адреса и номера телефонов, могут быть свободны.

Оказалось, что на пирата обратил внимание лишь один человек, да и то, скорее всего, когда тот торопился в туалет на первом этаже, чтобы вылезти в окно навстречу своей судьбе.

Глава 4. Допрос

В этот вечер инспектор ни в чем не мог отказать мне. Он позволил мне присутствовать на первичном допросе, более того, мне даже удалось убедить его, что присутствие Максимилиана в качестве адвоката вполне уместно.

Марк Коэн предоставил нам свой кабинет. Никто из нас не посмел усесться в начальственное кресло во главе ти-образного стола. Инспектор и я заняли места по одну сторону стола, а Максимилиан расположился по другую – прямо напротив меня, оставив рядом с собой место для допрашиваемого. Максимилиан не смог убедить нас, что человек, сидящий рядом с адвокатом, чувствует себя спокойнее, но мы решили уступить ему.

– С кого начнем, дорогая мисс?

– Вам решать, инспектор. Но я бы предпочла начать с дамы. Кажется, ей есть, что сообщить нам.

Инспектор энергичным рывком оторвался от стула и ненадолго исчез за дверью. Вскоре он вернулся с невестой.

– Ваше имя? – обратился к девушке инспектор, дождавшись, пока она не уселась поудобней рядом с адвокатом.

– Рут Голдстейн, – с легкой дрожью в голосе представилась девушка. Ее светло-серые глаза уставились в стол.

– Возраст, род занятий?

– Двадцать четыре года. Я изучаю медицину в университете. Не замужем, – почему-то добавила она.

– В каких отношениях вы состояли с Рэйчел Лурье?

– Мы дружили и вместе учились в университете.

– Вы пришли на праздник вместе с ней?

– Да. Нас привез Энтони де Сильва, мой друг.

– Какие у вас соображения по поводу произошедшего?

Рут как будто только и ждала этого вопроса. Она прекратила сверлить стол взглядом и подняла глаза на инспектора. Дрожь в голосе прошла, и мне показалось, что он наполнился яростью.

– Это меня собирались убить, а не Рэйчел! Ей хотелось разыграть Стенли и Энтони, и она предложила мне в середине маскарада поменяться костюмами. Чтобы они ни о чем не догадались, мы обе надушились ее духами. У нас одинаковые рост и комплекция, так что в масках и маскарадных костюмах нас не отличить. Зачем только я согласилась на это!

– Но тогда бы убили вас! – не выдержала я, хотя инспектор просил нас с Максом не вмешиваться.

Зрачки Рут расширились, и она бросила невидящий взгляд сквозь меня.

Инспектор тоже одарил меня взглядом, сердитым, как разбуженный ночью сосед. Пришла моя очередь изучать стол.

– Когда Рэйчел предложила вам обменяться костюмами?

– Мы договорились об этом с ней накануне праздника.

– Ваш розыгрыш удался? Молодые люди ничего не заметили? – продолжил инспектор Майлс.

– Думаю, что нет. Я танцевала со Стенли Круассоном, и он называл меня Рэйчел. А Рэйчел танцевала с Энтони. Он обнимал ее и целовал в щеку. Я не могла выдержать этого, хотя и не сомневалась, что Энтони воображает, что целует меня. Я подошла к нему и приподняла маску на несколько секунд, пока не убедилась, что он узнал меня. Он развеселился, оставил Рэйчел и стал танцевать со мной. Я больше не видела Рэйчел...

- Когда вы обменялись костюмами?
- Почти сразу после начала танцев. Мы с Рэйчел прошли в туалет и там переоделись. Это заняло минуты полторы. Рэйчел помогла мне застегнуть платье.
- Кто-нибудь мог видеть, как вы переодевались?
- В туалет зашла царица Эстер, но в этот момент Рэйчел уже поправляла на мне платье.
- Итак, вы считаете, что убить собирались вас. У вас есть враги? Кто-то, может, угрожал вам?

Рут вновь принялась изучать стол, хотя изучать там было нечего: самый обыкновенный полированный стол без единой царапины или пылинки на своей блестящей поверхности. Я успела с ним хорошо ознакомиться...

Она молчала. Казалось, внутри нее проходит какая-то борьба. Она положила руки перед собой и легонько постукивала пальцами по столу. В конце концов, она приняла решение, легонько хлопнув по столу ладошкой.

- Нет. Мне никто не угрожал. Я понятия не имею, кто бы мог хотеть меня убить.
- А Рэйчел Лурье? Может кто-то хотел убить ее?
- Если бы вы знали Рэйчел, вы бы не спрашивали... – с грустью сказала Рут. – Это такая чистая девушка... Она никому не могла мешать. Нет! Убить пытались меня!

Инспектор Майлс взглянул на меня и Максимилиана. У нас тоже не было вопросов к ней. Инспектор отпустил Рут, попросив ее пригласить Че Гевару.

Революционер занял место невесты, снял берет и положил его перед собой. Тонкими длинными пальцами забросил волосы за плечи и приготовился отвечать на вопросы.

Его звали Стенли Круассон, двадцать девять лет, автомеханик.

- Вы дружили с Рэйчел?
 - Она была моей невестой...
 - Вы давно знакомы с ней?
 - Полгода.
 - Вы знали о том, что девушки поменялись костюмами?
 - Нет. Я узнал об этом только, когда Рут заявила об этом.
 - Как вы считаете, кто-нибудь мог хотеть убить Рэйчел Лурье или Рут Голдстайн?
- Лицо Стенли Круассона было хорошо освещено, но казалось жутко мрачным, будто погруженным в тень.

- Все это так ужасно, сэр. Я просто не представляю кому это могло прийти в голову...
- Спасибо, мистер Круассон. А теперь пригласите мушкетера.

Мушкетер вошел обезоруженным. Полицейские отобрали у него игрушечную шпагу. С маской и шляпой он тоже успел расстаться. Его смуглое лицо сохранило мужественность и без мушкетерской шляпы с перьями.

Энтони де Сильва, двадцать четыре.

Он отвечал коротко, по-военному. Смотрел куда-то выше наших голов, давая понять, что наше общество ему неприятно. Надменность не шла ему. Зачем только он ее напустил?

- Вы были знакомы с Рэйчел Лурье?
 - Да. Я дружу с ее подругой Рут Голдстайн.
 - Когда вы узнали о том, что девушки поменялись костюмами?
 - Когда Рут вдруг открыла свое лицо. Я очень удивился, ведь я думал, что танцую с ней, а оказалось, что это была Рэйчел.
 - Вы можете сказать, когда это произошло?
 - Нет. Я не следил за временем. Мы просто веселились.
 - Скажите, кто-нибудь мог желать убить вашу подругу?
- Энтони де Сильва на секунду замешкался, но решительно ответил:
- Она несколько раз жаловалась мне, что Стенли Круассон угрожал ей.

– Стенли Круассон? – удивился инспектор. – Она нам ничего не сказала.

– До меня Рут встречалась со Стенли. Он оставил ее и стал встречаться с Рэйчел Лурье. Он опасался, что Рут расскажет Рэйчел о его уголовном прошлом. Он считал, что Рэйчел оставит его.

– Черт возьми, так мы никогда не кончим. Будьте добры, мистер де Сильва, пригласите Рут Голдстайн к нам.

Когда де Сильва дошел до дверей, инспектор остановил его и задал еще один вопрос:

– Скажите, де Сильва, вы все время танцевали с Рут?

– Нет, я танцевал со многими, и Рут тоже не скучала.

Когда Энтони де Сильва вышел, инспектор обратился ко мне:

– Как вам нравится, дорогая мисс, девушка с такими честными глазами...

Я не успела ответить, как в кабинет зашла Рут Голдстайн.

– Присядьте, мисс Голдстайн, и расскажите нам об угрозах мистера Круассона.

– Он не угрожал мне.

Мы с инспектором обменялись взглядами.

– Но мистер де Сильва утверждает...

– Да, я говорила об этом Энтони, но я все выдумала...

– Выдумали? Зачем? – я никогда не видела инспектора Майлса таким злым.

Максимилиан потом признался, что в этот момент его подмывало сообщить Рут, что все, сказанное ею, может быть использовано против нее.

– Я хотела проверить чувства Энтони. Надеюсь, что он, как настоящий мужчина, захочет меня защитить...

– И что же он?

– Он не отнесся к этому серьезно...

– Ладно. Будьте так любезны, пригласите Стенли Круассона.

Через минуту вновь появился Стенли. Едва войдя в кабинет, он со злостью выкрикнул:

– Я не угрожал Рут! Это она угрожала мне!

– Сядьте и объясните все по-порядку.

– Я провел полтора года в далласской федеральной тюрьме. Это давняя история, давно пройденный этап. Ошибки молодости. Я не хотел, чтобы Рэйчел узнала об этом. Она такая... Она такая... – Стенли не мог подыскать нужных слов, – неиспорченная... Это разрушило бы наш брак. Она бы оставила меня. Рут угрожала рассказать все ей.

– Но что она хотела от вас?

– Я не знаю. Она говорила очень уклончиво. На секунду я даже подумал, что она хочет вернуть меня, но это невозможно себе представить.

– Спасибо, мистер Круассон, а теперь пригласите Рут Голдстайн.

– Как поживаете, мисс Голдстайн? – с угрожающей иронией обратился к Рут инспектор, как только та появилась в кабинете. – Я вижу, вы никуда не торопитесь?

– Простите, я очень устала, инспектор.

– Тогда присядьте и расскажите, зачем вы угрожали Стенли Круассону?

– Я не угрожала ему. Стенли совершенно лишен чувства юмора. Из безобидной шутки может раздуть бог знает что. Я пыталась вразумить его. Рэйчел моя подруга, и я не хотела, чтобы кто-нибудь испортил ей жизнь. Я пыталась убедить Стенли, что он ей не пара.

– Идите, мисс Голдстайн.

Рут встала.

– Но, инспектор, я хочу, чтобы вы знали. Стенли не обидит и комара. Если вы думаете, что он... Нет, это невозможно представить.

Она еще помедлила, но инспектор никак не отреагировал на ее слова.

– Допрашивать женщину – тратить время впустую, – себе под нос проворчал инспектор, провожая Рут недобрым взглядом. – Николь, у вас ничего не найдется от головной боли?

Таблеток у меня не оказалось, но в углу кабинета я заметила кофеварку. Инспектор не отказался от чашечки кофе – лучшего средства от головной боли.

За кофе он сетовал, что нечего и пытаться установить порядок перемещений людей, никто ни за кем не следил, никто не в состоянии подтвердить чье-либо алиби, все веселились и не интересовались временем. Полнейший балаган.

– Вот, например, вы, мисс Федона, можете сказать, когда скончалась Рэйчел Лурье?

– Мне очень стыдно, инспектор, – потупила взор я, – но я тоже веселилась. Все произошло так неожиданно...

– Тебя же Генри предупреждал, – щедро сыпанул соли на мою рану Максимилиан.

На прощание я взяла с инспектора Майлса слово держать меня в курсе событий.

Макс отвез меня домой. Всю дорогу мы обсуждали детали допроса, особенно слова Рут Голдстейн. Я пыталась втолковать Макс, что не следует искать логику в поступках женщины...

Глава 5. Зову я смерть...

На следующий день я приехала на работу раньше Генри. Он немного задерживался, и я с нарастающим нетерпением ожидала его появления.

Наконец хлопнула входная дверь, послышался шум шагов в прихожей и спустя несколько секунд в кабинет вошел Генри. Я поприветствовала его, давая знать, что я уже здесь. Он, пару раз стукнув тростью по стене, уверенно повесил на вешалку плащ и водрузил шляпу на полку. Я встала из-за стола и помогла ему добраться до рабочего места.

– Пожалуйста, положите мне в кофе побольше корицы, – попросил Генри, что однозначно свидетельствовало о прекрасном расположении духа.

За приготовлением кофе я решила немножко подразнить Генри: должна же я как-то отомстить за его вчерашнее издевательское поведение.

Я поставила кофе перед Генри и уселась на рабочее место. Свою порцию кофе я успела прикончить до прихода босса.

– Вы слышали последнюю новость, Николь? Наконец-то арестован Билл Лесли. Полиция много лет гонялась за ним.

– Что вы говорите, Генри! Это тот, парень, который зверски прикончил известного баскетболиста?

Мои занятия в театральной студии не прошли совсем даром.

– Да. Как сейчас помню репортажи по радио. Сначала он перерезал ему горло, а затем нанес несколько десятков колотых ранений. Просто садист.

– И как же полиции удалось его арестовать?

– К сожалению, вчера Китти забыла поставить будильник, и мы немного проспали. Нам удалось послушать лишь конец новостей, так что подробности мне не известны. Поищите в Интернете.

– Неужели он попался на горячем?

– Кристофер Майлс наверняка пойдет на повышение. А как прошел ваш вчерашний праздник, Николь?

– Я чуть не умерла со скуки, Генри. Если бы не мои любимые булочки с маком...

– Я очень рад, Николь, что вам было скучно, – многозначительно заметил босс.

– Кстати, Кристофер Майлс передавал вам большой привет.

Молчание. Генри положил руки на подлокотники и приступил к вращению креслом. Прошло минуты две.

– Вы хотите сказать, что он тоже был на маскараде?

– Да.

– Он был в костюме губернатора?

– Нет, он был в своей обычной одежде.

– Странно, что он упустил такой прекрасный шанс примерить костюм большого начальника. Так что же он там делал? Ну он-то точно не еврей.

– Я его пригласила.

Молчание. Кресло прекратило вращение. Прошло минуты две.

– Послушайте, Николь, или вы мне сейчас подробно рассказываете, что там у вас произошло, или я усажу вас за инсталляционный пакет для Смитсона и компании.

– Только не это, Генри, – взмолилась я, – только не это! Хорошо, я вам сейчас все расскажу.

– Вот, так бы с самого начала!

Я знаю, что Генри не любит многословных предисловий, поэтому сразу взяла козла за бороду.

– Я наткнулась на умирающую девушку в туалетной комнате. Она лежала на мраморном полу и преграждала мне дорогу. Одета она была в костюм медведя, и я могла рассмотреть лишь нижнюю часть ее лица. Ее левый бок был немного приподнят, а голова запрокинута. Мне показалось, что она что-то пытается сказать. Ее губы шевелились, но голос слабел на глазах. К тому же было очень шумно, ведь в это время танцы были в самом разгаре. Я не могу утверждать, но мне показалось, что она произнесла слово «смерть». Почему-то мне пришло в голову, что она декламирует Шекспира.

– Зову я смерть. Мне видеть невтерпёж... Шестьдесят шестой сонет.

– Кажется, так, Генри. Но тут она умерла.

– Скажите, Николь, а вы знаете какой-нибудь сонет Шекспира наизусть? – с напускной серьезностью поинтересовался Генри.

– Пожалуй, нет, – честно призналась я после секундного раздумья.

– И я нет. Но, говорят, надо жить так, чтобы быть готовым встретить смерть в любой момент. Если вы сегодня умрете, что вы будете декламировать перед смертью?

– У вас черный юмор, Генри.

– Ну да. Нет, Николь, Шекспир отпадает. Возможно, она произносила молитву, самое время обратиться к Богу.

– Да. Но, скорее всего, я просто не разобрала ее слова.

– Вы осмотрели труп?

– Конечно. Из спины торчала рукоятка стилета.

– Убийство произошло в женском туалете?

– Туалетное помещение состояло из небольшого предбанника, из которого три двери вели в мужской, женский и туалет для инвалидов. Девушка лежала в предбаннике.

– И тут вам пригодился мобильник, надеюсь, вы послушали меня и прихватили его с собой.

– Да.

– И тут вы пригласили Кристофера Майлса. Разумеется, он был любезен.

– Я позвонила в полицию, говорила с дежурным и назвала себя. Майлс решил, что раз я на месте преступления, то происходит нечто из ряда вон.

– Надеюсь, старина Майлс не был слишком разочарован?

– О, он прибыл в праздничном настроении...

– Ну да, вы же пригласили его на Пурим!

– Дело в том, что наряд полиции схватил парня, выскочившего из окна первого этажа.

Им оказался никто иной, как Билл Лесли!

Генри аж присвистнул.

– Так вам тоже полагается повышение по службе, Николь!

– Давно полагается, Генри, – преодолевая стыд, выдавила из себя я. Если не сейчас, то когда?

– Пишите заявление, Николь! Будет вам прибавка.

– А без заявления никак?

– Как! Будет и без заявления, только напомните мне.

Какой босс в такой момент упустит шанс хоть чуть-чуть поиздеваться над своим подчиненным?..

– Итак, есть труп и есть Одноглазый Билл. Связь очевидна. Но зачем ему потребовалось убивать бедную девушку, или он решил поохотиться на медведя?

– Инспектор не сомневается, что убийцей является именно Циклоп, но, вроде бы, он убил не ту.

– Что ж, даже такой опытный убийца как Билл Лесли иногда делает промашку. Он в этом сам сознался?

– Нет. Полиция не нашла на теле убитой документов, и инспектор обратился к присутствующим с просьбой помочь с опознанием. Он объявил, что убили девушку в костюме медведя. И тогда другая девушка по имени Рут Голдстайн, изображавшая невесту, заявила, что убитую зовут Рэйчел Лурье и что они с ней поменялись костюмами в середине маскарада. Она убеждена, что убить должны были именно ее.

– Веселая история. Пурим удался на славу. Умеют же евреи повеселиться.

– Полиция переписала всех присутствовавших и отпустила по домам, кроме тех, кто знал Рэйчел.

– Ну да. Обычная практика. Одноглазый Билл свалил дурака. Если бы он остался, его бы отпустили вместе с прочими. Даю голову на отсечение и шляпу в придачу, что он лично не был знаком с Рэйчел Лурье. Две ошибки за один день – явный перебор даже для мелкого базарного мошенника. Полиции вчера крупно повезло!

– Остались только Рут Голдстайн, ее друг Энтони де Сильва и Стенли Круассон, друг Рэйчел. Мне удалось уговорить Майлса, и он позволил присутствовать на допросе мне и Максимилиану. Администратор уступил нам свой кабинет, и инспектор допросил поочередно всех троих.

– Понятное дело, ведь это был ваш бенефис! Ясно, что Майлс не мог вам отказать.

– Я не буду пересказывать каждый допрос в отдельности, просто изложу всю информацию, которую удалось выудить из этой троицы.

– Конечно, так будет лучше. Если понадобится, я не постесняюсь задать вопросы.

– Рут и Рэйчел договорились поменяться костюмами еще накануне. Это была идея Рэйчел, ей захотелось подшутить над Энтони и Стенли, которых девушки пригласили на праздник. Рэйчел собиралась замуж за Стенли и уже сшила подвенечное платье. Да, я забыла сказать, что девушки дружили между собой. Они учились на медицинском факультете университета. Рэйчел было двадцать три года, а Рут недавно исполнилось двадцать четыре. Энтони и Стенли ничего не знали о затее девушек. Девушки были примерно одного роста и одной комплекции. Со слов Энтони, после обмена костюмами Рут подошла к нему и приподняла маску, чтобы он понял, кто есть кто. Это подтвердила и Рут. Она объяснила свой поступок внезапным приступом ревности к Рэйчел.

– То есть в какой-то момент лишь Стенли не знал о розыгрыше девушек?

– Выходит так. Очень странно вела себя Рут, когда Майлс спросил ее, кто по ее мнению, мог бы желать ее смерти. Она долго думала, чувствовалось, что внутри нее происходит напряженная борьба, но в конце концов, она взяла себя в руки и ответила, что не имеет понятия. А вот ее друг Энтони в ответ на этот вопрос сообщил интересную вещь: он сказал, что Рут несколько раз жаловалась ему, что ей угрожает Стенли.

– Стенли?

– Да. Энтони сказал, что до него Рут была девушкой Стенли, но тот оставил ее ради Рэйчел.

– И что Рут? Она легко смирилась, что ее парень бросил ее ради ее же подруги? И утешилась с другим? Что за молодежь нынче!

– Уймись, Генри. Перестаньте брюзжать! Многие женщины умеют скрывать свои истинные чувства. А то, что она утешилась с другим, почему бы и нет? Кстати, этот Энтони де Сильва очень симпатичный парень, и я вполне одобряю ее выбор.

– Ладно, Николь, не будем спорить. Продолжайте.

– Стенли категорически отверг, что он угрожал Рут.

– И знаете, я склонен ему верить. Если он действительно убил Рэйчел, полагая, разумеется, что убивает Рут, едва ли он стал бы ей угрожать. Это только в плохих романах и фильмах убийца сообщает жертве за что он собирается ее убить. В реальной жизни люди больше дей-

ствуют, чем говорят. А те кто много говорят, преследуют совсем иные цели, действия от них не дожدهшься. Простите, я вас перебил. Пожалуйста, продолжайте!

– Стенли сказал, что Рут угрожала ему, что расскажет Рэйчел о его прошлом. Стенли полтора года отсидел в тюрьме, а Рэйчел была очень чистой девушкой, и он не сомневался, что узнай она о его прошлом, то тут же бы порвала с ним.

– Итак, у Стенли имелся мотив убить Рут.

– Инспектору Майлсу пришлось пригласить Рут еще раз. Она отрицала, что Стенли угрожал ей. Она сказала, что жаловалась Энтони на Стенли, чтобы проверить насколько Энтони ее любит.

– Образчик извращенной женской логики.

– Генри!

– Молчу.

– А по поводу угроз в адрес Стенли, она пыталась убедить нас, что это была просто шутка. Вообще, она всячески его выгораживала. Даже сказала без обиняков, что не допускает мысли, чтобы Стенли мог бы убить ее.

– Старина Майлс не спросил ее, как она отнеслась к тому, что ее парень променял ее на ее подругу?

– Спросил, он не менее любознателен, чем вы. Рут пожала плечами и ответила, что отнеслась к этому философски, мол все что ни происходит, происходит к лучшему, и так все на самом деле и есть. Она счастлива с Энтони, а Рэйчел была без ума от Стенли.

Телефонный звонок помешал моему боссу разразиться очередным комментарием в адрес современной молодежи. Генри сделал движение в сторону противно дребезжащего аппарата, но я опередила его. Со мной желал говорить инспектор Кристофер Майлс.

Инспектор галантно, как истинный полицейский, держал данное даме слово, а даму в курсе событий.

Глава 6. Новый подозреваемый

Я положила трубку на рычаги и сообщила Генри последние новости. Новостей, собственно, имелось всего две: как мы и ожидали, не обнаружено никаких отпечатков пальцев, и Билл Лесли категорически отрицал свою причастность к убийству Рэйчел Лурье. Но инспектор абсолютно убежден, что завтра, когда он представит Циклопу неопровержимые доказательства по другим преступлениям, тот запоем иначе. А пока Кристофер Майлс просит нас держать в тайне информацию, что Циклопа арестовали в общинном доме. В интересах следствия, разумеется.

– И полагаю, что в этом он прав. Едва ли Энтони завел речь об угрозах Стенли, если бы знал, что предполагаемый убийца схвачен. Кто знает, как еще обернется дело.

– Вы подозреваете Стенли?

– Мы столько лет работаем вместе, Николь, а вы все никак не можете привыкнуть к тому, что самый подозрительный тип это я. Подозреваю всех!

– Но, наверное, кого-то вы подозреваете больше других?

– Авторитет Билла Лесли столь велик, что трудно себе вообразить, что кто-то мог его обскакать. Не думаете же вы, что он пришел на пуримшпиль просто повеселиться?

– Разумеется. Но давайте забежим немножечко вперед и представим себе, что Циклоп продолжит отрицать свою причастность. У Стенли имеется мотив.

– Ну да. Но если как следует поискать, мотив может найтись еще у ряда людей. Мы просто о них еще ничего не знаем. Меня больше интересует Рут. Я готов с натяжкой принять ее объяснение выдумки насчет угроз бывшего друга, но вот ее якобы шуточные угрозы в адрес Стенли вызывают у меня нешуточные сомнения. Такими вещами не шутят. Лучше бы она отрицала это вообще! Итак, Рут угрожала Стенли. Зачем? Если бы она хотела сорвать брак Рэйчел со Стенли, могла бы просто все рассказать Рэйчел. Шантаж? Ей что-то нужно было от Стенли, но что?

– Не знаю, но только не чтобы он убил ее!

– Само собой. Едва ли она могла ожидать подобной реакции Стенли, как его?.. Круасона?

Я кивнула. Потом опомнилась и произнесла вслух: «Да».

– Нет, Николь, – продолжил Генри, – давайте подождем развития событий. Кстати, вчера после вашего ухода звонил Гарри Брэд, что-то у них ваша программа зависла, я обещал, что вы ему сегодня отзовнитесь.

Я тяжело вздохнула и переставила телефонный аппарат на свой стол. Так не хотелось отвлекаться на рутину обыденных дел... К счастью, мистер Брэд долго извинялся: им не удалось получить зависание еще раз, хотя они сделали несколько попыток на разных компьютерах. Мы решили списать все на случайный сбой.

Но потом пришли наши новые клиенты, и день завертелся белкой.

Вечером за мной заехал Макс. Я совсем забыла про обед у его мамы. Отменить его было невозможно: дату и меню согласовали еще три недели назад, миссис Нуар и ее фаршированный карп ожидали меня с огромным нетерпением. К этому следует добавить, что Макс давно искал предлог познакомить меня с мамой...

– У меня к тебе просьба, детка, – сказал Макс, когда его «тойота» мягко сдвинулась с места. – Не называй меня при маме Максом. Она считает, что это имя подходит лишь для беспородного кота.

– Хорошо, Максимилиан, но при условии, что ты перестанешь называть меня деткой!

Договор мы скрепили поцелуем.

Назвать миссис Дженни Нуар старой дамой не поворачивается язык. Обладая совершенно прямой спиной в свои шестьдесят с чем-то лет, она производила впечатление балерины, на днях вышедшей на пенсию. Ее кожа отливала белизной, а румяна на щеках предвещали взгляду встречу с двумя пылающими из-под тонких бровей углями. Роскошное вечернее платье из бордовой парчи невольно притягивало взор. Приятный бархатный голос возвестил, что его обладательница давно мечтает познакомиться со мной.

Меня представили еще одной леди в брючном костюме, миссис Саммерс, подруге миссис Нуар.

Миссис Нуар усадила меня со всеми почестями за уже накрытый стол. Миссис Саммерс принесла с кухни огромное блюдо с карпом. Я вскочила, чтобы помочь ей пристроить его на столе, но миссис Нуар властным жестом усадила меня на место.

– Как жаль, что Габриэль не дожил до сегодняшнего дня, – сказала миссис Нуар, тяжело вздыхая, и посмотрела на портрет солидного адвоката, висящий на стене справа от нее.

Только теперь я поняла, в какую ловушку я угодила. Но нет, Макс, хоть ты и не беспородный кот, так легко я не дамся.

Я налегала на легендарную фаршированную рыбу или, если угодно, рыбу, фаршированную легендами, а миссис Нуар нахваливала мои рассказы, которые Макс, как оказалось, дал ей почитать. Я чувствовала себя польщенной.

– Ваш Генри Тамон такой душа. Вы и вправду работаете у него?

– Да. Он совершенно необыкновенный человек.

– Я никак не думала, что слепые в состоянии работать программистами, но Максимилиан говорит, что они даже прекрасно играют в шахматы.

– У слепых развивается память и воображение. Природа обладает некоторой избыточностью и компенсирует им отсутствие зрения. Можно только удивляться, насколько мы, обыкновенные люди, мало используем наши возможности.

Постепенно разговор перешел на вчерашнее происшествие в общинном доме.

– Какой ужас, – воскликнула миссис Нуар. – Вот так приходишь на праздник повеселиться, а тебя вдруг ни с того ни с сего убивают, да еще вместо другого человека! Вдвойне обидно. Эта история с переодеванием...

– Что ты такое говоришь, мама? – перебил ее Макс. – Мертвому безразлично, кто и за что его убил.

– Максимилиан, – чопорно произнесла миссис Нуар, – я знаю, что ты не веришь в бессмертие души, но не будем сегодня об этом спорить. Николь, – обратилась она ко мне, – вы тоже считаете, что убийца этот пройдоха Билл Лесли?

Я чуть не подавилась рыбьей костью. Кристофер Майлс просил меня предупредить Макса, но в дневной суете я об этом совсем забыла.

– Ох, прежде всего я должна взять со всех присутствующих слово, что вы нигде и никому не проговоритесь, что Билла Лесли арестовали в общинном доме. Разумеется, пока не закончится следствие. Это просьба старшего инспектора полиции Майлса.

Это сообщение прибавило мне важности в глазах миссис Нуар и миссис Саммерс. Они дали страшную клятву никогда в жизни не есть фаршированного карпа, если хоть кому-нибудь проболтаются. Максимилиан поклялся на Библии.

– Разумеется, и полиция, и Генри Тамон, и я, – я не преминула немного надуть щеки, – считаем кандидатуру Билла Лесли наиболее подходящей на роль убийцы Рэйчел Лурье. Но пока утверждать что-нибудь определенное рано. Одноглазый отказывается признать свою вину, и пока нет никаких соображений по поводу того, зачем ему потребовалось убивать Рут Голдстейн, ведь она утверждает, что убить хотели именно ее.

– Я обожаю детективы. Они так щекочут нервы. Но всегда помнишь, что это только игра, выдумка писателя, а на самом деле нет никаких убитых... А тут... такой ужас! Но я совершенно

уверена, что этот Билл Лесли всего лишь наемный убийца. Надеюсь, что ваш инспектор Майлс не успокоится, пока не выпытает у Билла Лесли, кто заказал ему это убийство.

– Можете не сомневаться, за инспектора Майлса я ручаюсь, – с важностью заверила их я, хотя слово «выпытает» мне не очень понравилось.

Миссис Саммерс, до сих пор почти не принимавшая участие в разговоре, неожиданно взяла слово.

– Я тоже увлекаюсь детективами. Просто не могу заснуть, если не прочитаю на ночь какую-нибудь детективную книжонку. К сожалению, у меня плохая память, но что-то такое я читала насчет переодеваний, – она немного помолчала, сосредоточенно дергая себя за мочку правого уха. – Нет... не могу вспомнить. Так там женщина, которая случайно узнала, что ее должен застрелить наемный убийца, уговаривает свою подругу поменяться платьями. Она имела виды на ее мужа...

– Джессика, ты, как всегда, все путаешь! Наверняка, это из какого-нибудь дурацкого сериала, которые ты смотришь дюжинами. Там еще и не такое может быть. Сама посуди, ну откуда можно узнать, что тебя собираются убить, да еще где и когда?

Джессика надула губки и принялась ковыряться вилкой в голове карпа.

– Вспомнила! – вдруг закричала она. – Она сама наняла убийцу, чтобы он ее убил!

– Кого ее, Джессика? У тебя плохо с головой. Поменьше смотри телевизор, – посоветовала подруге миссис Нуар.

Я решила отвлечь их от спора, грозившего испортить вечер, и заодно доставить удовольствие миссис Нуар.

– Миссис Нуар, ваш фаршированный карп просто изумителен, и мне бы хотелось записать его рецепт.

Глаза у миссис Нуар сделались, как у карпа.

– Спросите у миссис Саммерс, это ее рук дело. Я, к сожалению, не умею фаршировать рыбу.

Я покраснела, но деваться было некуда, и я обратилась к миссис Саммерс. Миссис Саммерс продиктовала мне рецепт, но она еще не дошла до середины, а я уже осознала, что у меня не хватит терпения сделать все как надо.

Потом мы пили чай с пирогами с маком. Максимилиан хорошо подготовил маму. Я нахваливала пирог, но попросить рецепт не рискнула.

Максимилиан остался доволен моим визитом. Он приготовился защищать меня во всяких непредвиденных ситуациях, но его помощь не потребовалась. На прощание он шепнул мне, что я произвела нужное впечатление на его маму.

– Что значит «нужное»? – грозно спросила я.

– Я хотел сказать, приятное, положительное... – попытался выкрутиться Макс. – Ей в самом деле нравятся твои рассказы.

Адвокаты никогда не краснеют. Макс приятно удивил меня, точнее его уши, зардевшиеся как предзакатное солнце.

Следующим утром позвонил инспектор Майлс. По его довольному голосу я догадалась, что дело сдвинулось. Действительно, Билл Лесли начал сотрудничать со следствием и, как говорится, под грузом неопровержимых доказательств признал вину почти по всем эпизодам, но продолжает категорически отрицать причастность к убийству в общинном доме.

– Но как же он объясняет свое присутствие там? – не могла не поинтересоваться я.

– Он, видите ли, вспомнил, что его прапрабабушка была еврейкой и решил, отчего бы ему не хлебнуть хорошего винца на халяву. Так мы ему и поверили.

Внезапно на меня нашло озарение.

– Послушайте, инспектор, а вы не сказали ему, к примеру, что убитая была в костюме медведя?

– Нет, но он и не спрашивал, – инспектор с удовольствием хохотнул в трубку. – Вопросы задавал только я! Но... Вы знаете, дорогая мисс, мне нравится ваша идея. Обязательно расскажу ему при ближайшей встрече! – и он снова от души расхохотался.

Вечером, когда мы с Генри уже выключили компьютеры, позвонили во входную дверь. На пороге стоял посыльный и с трудом держал на вытянутых руках огромную корзину разноцветных тюльпанов. Он аккуратно возложил цветы на мой стол и удалился. Я решила, что Максимилиан Нуар сошел с ума, но ошиблась. С ума сошел не он. В приложенной записке говорилось, что вся полиция мне премного обязана. Генри уловил терпкий аромат цветов и закрутил головой.

– Тюльпаны, – с загадочной интонацией в голосе произнес он.

Я не перестаю удивляться способностям Генри, но не успела сказать об этом: затрезвонил телефон.

– Дорогая мисс, – вкрадчиво сказала трубка, – мы действительно вам очень признательны. Ваша идея оказалась превосходной. Мы арестовали Стенли Круассона!

Я ничего не понимала, но, очевидно, именно этого эффекта и добивался инспектор Майлс.

– Но позвольте, мистер Майлс...

– Не позволю! – с напускной грубостью перебил меня инспектор. – Когда Одноглазый услышал, что убитая изображала из себя медведя, он сразу признался, что собирался убить девушку, на которую ему должен был указать никто иной как Стенли Круассон, его старый знакомец по далласской тюрьме. Как вы помните, Одноглазый пришел на маскарад в костюме пирата.

– Прямо скажем, выбор у него был не велик, – удалось вставить мне.

– О да, вы правы, дорогая мисс. Согласно предварительному сговору он подошел к Чегеваре, и тот указал ему на медведя. Но он не убил медведя. Кто-то опередил его. Когда администратор объявил, что произошло убийство и полиция уже в пути, он предпочел избежать встречи с ней, но получилось как раз наоборот, – и инспектор прыснул в трубку.

– Круассон, конечно, все отрицает?

– О нет, этот парень догадался, что мы арестовали Лесли, помните, я спрашивал присутствующих, не обратил ли кто внимание на пирата? Так что, он понял, что его дружок его заложил. Он сказал, что принял угрозы Рут всерьез и позвонил Лесли. Кстати, он не знал даже, как по-настоящему зовут Билла Лесли. Для него он был просто Одноглазым.

– Так кто же убил Рэйчел Лурье? – задала я очень естественный вопрос.

– Как кто? – удивился инспектор. – Разумеется, Стенли Круассон.

– Но почему вы так решили?

– Его логика проста: лучше сидеть за соучастие в несостоявшемся убийстве, чем за убийство.

– Я ничего не понимаю, инспектор. Вы говорите загадками. При чем тут несостоявшееся убийство, оно же состоялось?

– Дорогая мисс, но ведь Стенли Круассон твердо знает, что Билл Лесли не справился с его поручением. Он не убил ни Рут Голдстейн, ни Рэйчел Лурье.

– Да, он это знает только, если убил Рэйчел сам.

– Вот и я про это!

– Но, Стенли наверняка все отрицает?

– Пока отрицает, но, дорогая мисс, поручите это нам! – сломом затрубила трубка.

Я бы еще долго молчала, приходя в себя после разговора с инспектором, но у Генри хватило терпения лишь на полминуты.

– Насколько я понимаю, в деле появился новый подозреваемый... – очень тихо, как бы не желая помешать моим размышлениям, произнес Генри.

– Да, и он уже арестован! – и я пересказала Генри наш разговор с инспектором.

Глава 7. Так кто же все-таки убил Рэйчел Лурье?

Генри вернул плащ на вешалку, попросил меня приготовить кофе и, усевшись за рабочий стол, приступил к любимому занятию – вращению на кресле.

Мы лишь недавно обзавелись офисными креслами, а до этого я со страхом наблюдала, как взрослый сорокатрехлетний джентльмен с риском загреметь под стол увлеченно раскачивается на ножках стула.

Детские привычки в сочетании со спокойным характером, природной мягкостью и философским складом ума придают личности Генри Тамона необычайную обаятельность. Я могу пожаловаться лишь на его постоянную ироничность, но проявляется она исключительно по отношению ко мне.

Конечно, мне это не очень нравится, но с ее помощью я пытаюсь воспитать в себе философский подход к жизни. Я стараюсь сносить уколы Генри и не отвечать ему тем же. Его иронические наезды я отношу, если так можно выразиться, к издержкам производства – ведь я провожу с Генри больше времени, чем его жена Китти. Странно, что она не ревнует его ко мне. Или ревнует, но не показывает этого? Второй вариант мне нравится больше.

Кофе закончился, и нам пришлось довольствоваться чаем с бергамотом. Генри поворчал для порядка: моя вина не требовала доказательств.

Сделав несколько глотков, Генри поставил чашку и вынес вердикт:

– Стенли не убивал Рэйчел.

Я ждала продолжения, и оно последовало.

– Просто ему не было смысла отрицать свою истинную вину, ведь Лесли заложил его. Он же считает, что убил Лесли, и знает, что Лесли арестован.

– Но зачем Лесли заложил его?

– Чтобы спасти его!

– Генри, я еще не отошла от разговора с Майлсом и плохо соображаю. Вас не затруднит пояснить свою мысль?

– Как только Лесли узнал, что убили медведя, он понял, что убийца – Стенли Круассон, конечно, если он знал его настоящее имя. Взять вину на себя он не мог, наверняка бы срезался на реконструкции преступления. Тогда он заявляет, что Стенли нанял его, а значит, у Стенли не было никакого резона марать руки самому. Тем более, он знал, что Одноглазый прибыл на маскарад и приступил к исполнению привычных для себя обязанностей. Я не сомневаюсь, что Билл Лесли друг, на которого можно положиться! Вы со мной согласны, Николь?

– То есть вы считаете, что и Билл Лесли, и Стенли Круассон говорят правду?

– Эээ... я бы этого не стал исключать, – понизил голос Генри. – Очень сомневаюсь, что Кристоферу Майлсу и его ребятам удастся выбить признание из уст Стенли Круассона.

– Вы слышали, я спросила об этом инспектора Майлса, теперь спрошу и вас. Так кто же все-таки убил Рэйчел Лурье?

– Хороший вопрос, Николь, хороший вопрос... Кому бы его только адресовать?

– Вы как всегда смеетесь надо мной, Генри. Но ведь кто-то убил бедную Рэйчел Лурье! Возможно, убийца еще даже не попал в поле нашего зрения, и мы ничего о нем не знаем.

– Ну да. Боюсь, мы еще много чего не знаем, Николь! Нам стоит подумать на тему, кто бы еще мог желать смерти Рут Голдстейн.

– У вас есть соображения на этот счет?

– А почему бы для начала не спросить об этом саму Рут?

– Вы помните, она и про Стенли слышать ничего не хотела...

– Да, но теперь, когда Стенли Круассон арестован, возможно, она станет разговорчивее.

– Да, пожалуй, стоит попробовать.

– Мне бы хотелось Николь, чтобы вы поприсутствовали на допросе Рут. Вы не будете возражать?

– Конечно, нет, но нужно, чтобы не возражал инспектор Майлс.

– Надеюсь, что мне удастся это устроить. Пожалуйста, соедините меня с ним.

Генри с трудом уговорил Майлса отвлечься на Рут. Инспектор ни секунды не сомневался, что убийцу зовут Стенли Круассон. Генри пришлось напомнить ему, что до недавнего времени он столь же уверенно убийцей считал Билла Лесли, что с точки зрения формальной логики являлось эталоном истинного утверждения, но не имело отношения к делу Рэйчел Лурье.

Зато инспектор легко согласился с моим присутствием на допросе Рут. У Генри сложилось впечатление, что начни он с этого, ему бы не пришлось тратить столько сил на решение предыдущего вопроса...

Допрос Рут назначили на утро понедельника. Никаких подвижек в деле до этого не произошло. Как и предположил Генри, Стенли Круассон категорически отмел обвинения в убийстве Рэйчел Лурье.

Мы удостоились чести принять Кристофера Майлса в нашем офисе. Это означало, что он уже не рассматривает Стенли Круассона, подходящим на роль главного подозреваемого. Инспектор с подчеркнутым вниманием выслушал все соображения Генри, так что к предстоящему допросу Рут он стал относиться со всей серьезностью.

Глава 8. Рут Голдстайн

На Рут Голдстайн хорошо смотрелся строгий деловой костюм из тонкой шерсти цвета асфальта, по которому только что отбарабанил ливень. Костюм удачно подчеркивал глубину ее больших светло-серых глаз, а белоснежная блузка из натурального шелка, сшитая в стиле «ретро», с жабо, окантованным серебряной нитью, и мягкими складками, спадающими на лацканы пиджака, была столь красива, что я с трудом удержалась от соблазна поинтересоваться, где она ее раздобыла. Немного сужающаяся к коленям юбка подчеркивала пышность форм. А вот прическа, пожалуй, не слишком ей удалась. Все-таки в платье невесты Рут смотрелась привлекательней. Но это, скорее, свойство любого свадебного наряда.

Я представила себе растерянность Рут, выбирающей одежду для первого в жизни похода в полицейское управление, и мне подумалось, что точно так же она наряжается на экзамены в университете. Ее неуверенность и скованность в движениях, излишне серьезное выражение лица свидетельствовали, что к экзамену она подготовилась неважно.

Инспектор Майлс проводил Рут в угол просторного кабинета и усадил в кресло у журнального столика. Мы же с ним расположились на удобном диванчике напротив нее. Это никак не походило на допрос. Дружеская беседа, в крайнем случае, если следовать выбранной аналогии, экзамен.

Секретарша поставила на столик большое блюдо с крекерами и предложила нам чай и кофе. Рут отказалась от всего, даже от минеральной воды.

– Скажите, Рут, вы продолжаете настаивать, что ваша угроза рассказать Рэйчел о темном прошлом Стенли Круассона являлась шуткой? – по договоренности с инспектором начала беседу я.

– Конечно.

– А для чего вам это потребовалось?

– Я хотела вернуть его.

Мне потребовалось время, чтобы переварить ее ответ.

– А как же Энтони де Сильва?

– Он хороший парень, но выкинуть Стенли из сердца оказалось не так просто.

– Понятно... Кстати, вам известно, что Стенли арестован?

– Да, я читаю газеты.

Я выразительно взглянула на инспектора. Он с деланным безразличием пожал плечами и продолжил чаепитие.

– Скажите, Рут, не проще ли было рассказать Рэйчел о судимости Стенли?

– Это бы мне ничего не дало. Да, я расстроила бы их брак, но Стенли бы возненавидел меня. Мне важно, чтобы инициатива исходила от него, а не от Рэйчел. Мне было важно, – поправила себя она.

– А так он бы не возненавидел вас?

– Видите ли, я не только угрожала, но и объясняла ему, что рано или поздно Рэйчел узнает правду и она узнает ее необязательно от меня. В этот момент, я уверена, Рэйчел оставила бы его. И мне казалось, Стенли понимал это. Но, вышло, что он только делал вид. Впрочем, я и сейчас не допускаю мысли, что Стенли хотел меня убить.

Рут не так плохо подготовилась к экзамену, как мне показалось. Она отвечала быстро, уверенно и без запинки. Не следовало Майлсу сообщать газетчикам об аресте Круассона.

– А вам известно за что отбывал свой срок Стенли Круассон? – «проснулся» инспектор.

– За ограбление. Так по крайней мере он рассказывал мне.

– Надеюсь, он не приписал все заслуги себе? Он отсидел полтора года за соучастие в ограблении.

– Я уже не помню деталей.

– Скажите, Рут, – снова принялась за нее я, – а зачем вам потребовалось испытывать Энтони, если вы собирались вернуть Стенли?

– Я же не была уверена, что мне это удастся, – чистосердечно призналась Рут, и я ощутила некоторую антипатию к ней.

– Хорошо, вернемся к Стенли. Кажется, он не оценил вашей шутки?

– Да. Я не ожидала от него такого.

– Вы серьезно полагаете, что человек отсидевший срок в тюрьме, способен понимать подобные шутки? – снова вмешался инспектор. – Может, вас это удивит, но тюрьма еще ни разу никого не исправила, мисс Голдстайн. Там просто популярно объясняют, почему плохо в ней находиться. Большинство усваивают это и впредь ведут себя осторожнее. Но отдельные тупые ученики нуждаются в повторном уроке. Ваш дружок, судя по всему, относится ко второй категории.

– Я должна вам кое-что сообщить, Рут, – продолжала я согласно разработанному сценарию. – Стенли не убивал Рэйчел.

Рут немного, но явственно побледнела и с удивлением уставилась на меня. Я выждала какое-то время. Рут молчала.

– Он нанял для этой цели одного парня.

Рут откинулась на спинку кресла, у нее на лбу выступил пот. Майлс на секунду вышел из кабинета и вернулся с бутылкой тоника и стаканом. Рут поблагодарила его, но выпить отказалась.

– То есть меня должен был убить кто-то другой...

У меня возникло полное ощущение, что это ее оскорбило. Она соглашалась принять смерть только из рук любимого. Я поймала себя на том, что мне в голову лезут мысли Генри!

– И этот другой категорически отрицает, что он сделал это! – я нанесла последний удар.

– Но кто же тогда убил Рэйчел Лурье? – Рут позаимствовала мой любимый вопрос.

– Мы этого пока не знаем, – пришел мне на помощь инспектор Майлс. Совершенно удивительная для него фраза, правда он сделал ударение на слове «пока». – Но этот парень подтверждает, что его нанял Стенли Круассон. Но кто-то его опередил.

Рут молчала.

– Как видите, человек, покушавшийся на вашу жизнь, скорее всего на свободе. Скажите, Рут, у вас есть какие-нибудь соображения на этот счет? Кто может еще охотиться на вас? – как можно доброжелательнее постаралась спросить я.

Рут достала из рукава маленький платочек и принялась промокать лоб. Было совершенно очевидно, что она пытается выиграть время. Но ее ответ ничем не отличался от данного в день убийства.

– Я не знаю, – твердо произнесла она.

– Постарайтесь подумать и вспомнить, – присоединился к моей просьбе Майлс. – В конце концов, именно вам угрожает опасность!

– Я не знаю, – повторила Рут.

– Вы существенно облегчите нашу работу, мисс Голдстайн, пожалуйста, постарайтесь, – наседали на нее инспектор.

– Я постараюсь, мистер Майлс, – пообещала Рут, но ее тон не был многообещающим.

Рут поднялась и вопросительно взглянула на инспектора. Майлс тоже поднялся.

– Мы вас не задерживаем, мисс Голдстайн. Спасибо, что пришли и ответили на наши вопросы. Если вспомните что-нибудь важное, позвоните прямо мне, – и он протянул Рут визитную карточку.

– Что скажете, дорогая мисс? – проводив девушку, инспектор уселся в кресло, которое еще хранило ее тепло и аромат.

– Эта девушка что-то скрывает. Очень жаль, что она уже знала об аресте Стенли.

– К сожалению, Николь, не всегда удастся провести этих пронырливых писак. Уверяю вас, если бы мы арестовали сейчас Рут, то уже вечером об этом знал весь штат.

– Инспектор, вы не считаете нужным предоставить Рут охрану? Ведь ей угрожает реальная опасность.

– Я уже распорядился, дорогая мисс, – и Майлс самодовольно ухмыльнулся. – Правда речь идет не об охране, а о наблюдении. Назовите это как хотите, но двое наших тайных агентов непрерывно сопровождают ее.

Я уже собиралась уходить, когда инспектор Майлс гулко хлопнул себя по лбу.

– Проклятый склероз! Дорогая мисс Федона, я должен просить у вас прощения. Я совсем забыл рассказать вам, что мы обнаружили под телом Рэйчел... Мы нашли любовную записку Стенли, адресованную Рут. Имя девушки не упоминалось, лишь первая буква, что оставляло нам две возможности трактования, но Стенли утверждает, что речь идет о Рут. К этому же выводу пришли и эксперты, исследовавшие записку: запись сделана не позднее полугода назад.

– Как записка очутилась там?

– Возможно, Рут оставила ее в кармане маскарадного костюма, и Рэйчел обнаружила ее.

– Но тогда следует предположить, что Рэйчел держала записку в руках в момент убийства, – я представила себе ссору Рэйчел из-за записки, но с кем? – Вы предполагаете, что Рэйчел выясняла отношения со Стенли?

– Или кто-то хотел, чтобы мы это предположили.

– Рут?

– Ну почему же именно Рут? Убийца... – я молчала и инспектор продолжил. – Возможно, следовало бы спросить Рут, как записка попала к Рэйчел, но у нее есть слишком простой ответ – благодаря перемене костюмов.

– Не хочешь, чтобы тебя обманывали – не задавай вопросов!

– Вот-вот... Но нельзя не отметить, что если Рут действительно не расставалась с любовной запиской Стенли, то это подтверждает ее слова о намерениях по отношению к нему.

Тут я ничего не могла возразить.

Глава 9. Эмпирическое правило Генри Тамона

– Вы славно поиздевались над бедной девушкой, чудом пережившей веселый праздник Пурим, – заявил Генри, когда я со всеми подробностями описала допрос Рут. – Но пока вы развлекались, я времени даром не терял.

– И кто же убил Рэйчел Лурье? – на этот раз с иронией спросила я.

– Я знаю не больше Майлса, – рассмеялся Генри. – Но я подумал вот о чем, – голос его заметно посерьезнел. – Мы тут увлеклись версией переодевания. Но ее могли бы подтвердить лишь четверо, причем одной из них уже нет в живых, а другой находится под арестом. Рут, мы видим, особо доверять нельзя. А что представляет собой мистер Энтони де Сильва? Мне известно лишь, что он в вашем вкусе, Николь...

Мне понравилось новое направление расследования, и я решила оставить без внимания последние слова Генри.

– Энтони де Сильва – серьезный парень, через несколько месяцев он оканчивает бизнес-школу. Относится к Рут очень серьезно. На вид прямодушный и откровенный человек. Не представляю, что бы могло заставить его придумать или поддержать ложную версию.

– Вы же сами сказали, что он относится к Рут серьезно. Ради любви люди готовы на все, или вы не согласны со мной, Николь?

– С этим может спорить лишь никогда не любивший! – Господи, откуда у меня этот пафос? – Но кому может понадобиться эта выдумка?

– Это уже другой вопрос, и на него у меня пока нет ответа. Но я ожидал от вас совсем другой реакции, Николь! Подумайте немного.

– Трое должны были сговориться между собой, а это противоречит эмпирическому правилу Генри Тамона: у одной ошибки не может существовать более двух причин.

– Браво, Николь! Эту версию смело хороним. Но теперь нечто иное. Итак, переодевание имело место. О нем знали точно Рут Голдстайн и Энтони де Сильва, а может кто-то еще застал их в момент переодевания. Что если тот, кто убил Рэйчел Лурье, знал, что он убивает Рэйчел Лурье? И тогда, кстати, нет никакого смысла охранять Рут.

– Но кому мешала Рэйчел Лурье?

– Не знаю, Николь, можно предположить, что Рут, но как-то это не вяжется с ее образом. Они из разных весовых категорий. Чтобы устранить Рэйчел, как соперницу, Рут придумала бы сотню способов, не убивая ее. Конечно, Рут выгоден уход со сцены Рэйчел, но она не стала бы убивать ее.

– Да, Рут не смахивает на убийцу. Но может быть, вы недооцениваете Рэйчел?

– Вполне возможно. К сожалению, мы не можем допросить Рэйчел, чтобы выяснить кто бы мог желать ее смерти, как мы поступили с Рут Голдстайн, но мы можем попробовать собрать о ней какую-нибудь информацию. Как вы отнесетесь к тому, чтобы посетить ее родителей, побывать в университете, поговорить с ее друзьями, с той же Рут, в конце концов?

– Конечно, Генри. Надеюсь, другого ответа вы от меня и не ожидали?

– Ну да. Кроме того я постараюсь договориться с Майлсом, чтобы он позволил вам встретиться со Стенли Круассоном.

Для Генри искать ошибки в программе и распутывать детективные загадки – одинаково интересно. Более того, для него это почти то же самое. У Николаса Блейка, например, сыщик-любитель Найджел Стрэнджвейс сравнивает криминальное расследование с переводом с латыни и доказывает пользу классического образования.

Генри рассказывал мне, что его жене Китти очень нравятся мои рассказы. Она считает, что в них Генри Тамон имеет много общего с Найджелом Стрэнджвейсом. Но если это и так,

то тут нет никакого умысла: именно от Генри я впервые услышала это имя и лишь недавно прочитала несколько повестей о нем.

Генри Тамон, системный аналитик, по его собственному выражению, программист до костей мозга, сравнивает криминальное расследование с отладкой программы. В обоих случаях есть печальный результат: «баг» в программе или труп, как, например, в описываемом расследовании. Столкнувшись с ошибкой в работе программы, Генри неумоимо выявляет ее причины и выстраивает логику событий, приведших к ней.

Когда же правдоподобная версия готова, он вставляет в программу несколько контрольных блоков, фиксирующих состояние переменных, изучает полученные данные и, либо отбрасывает версию, как ошибочную, либо удовлетворяется ею, исправляя в программе код, приведший к плачевному результату.

В криминальном исследовании у Генри нет возможностей вставлять контрольные блоки, где он хочет, но почему бы не сделать это там, где реально? Почему бы не собрать всю возможную информацию о жертве, не выстроить мысленно мир, в котором она жила?

Мне же все больше и больше нравится заниматься детективными загадками, так что задание Генри пришлось мне по вкусу.

Я решила начать с родителей Рэйчел.

Глава 10. Кому мешала Рэйчел Лурье?

Ювелир Захария Лурье и его жена Ребекка проживали в Сан-Джакобо. Их адрес я без особых хлопот раздобыла в полиции. Мне даже не пришлось беспокоить Кристофера Майлса.

Родители Рэйчел немедленно примчались в Нэшвилл и, как только полиция дала разрешение, увезли тело единственной дочери в Сан-Джакобо.

Бедняга Стенли не смог проститься с Рэйчел – полиция предпочла не рисковать. Из друзей Рэйчел только Рут и Энтони присутствовали на похоронах.

Я прикинула, что на поездку в Сан-Джакобо у меня уйдет два дня, и приуныла. Мне не хотелось покидать Нэшвилл сейчас так надолго. Что-то подсказывало, что стоит мне уехать, как события начнут быстро развиваться, будто только этого и поджидали. Я понимала всю нелепость и наивность подобных рассуждений, но ничего не могла с собой поделать.

В конце концов, что меня могло ждать в Сан-Джакобо, ведь Рэйчел уже почти шесть лет вела самостоятельный образ жизни. Вот если бы речь шла о ее похищении – тогда совсем другое дело. Тогда и впрямь надо начинать с ювелира...

Короче, я с легкостью позволила себе уговорить себя, что в тюрьме или университете куда больше шансов обнаружить что-нибудь стоящее. Я позвонила инспектору Майлсу и согласовала время посещения Стенли в следственном изоляторе. Предварительное согласие уже было получено накануне. Инспектор извинился, что не сможет позволить мне беседовать со Стенли Круассоном с глазу на глаз. Меня это вполне устраивало.

Я не испытывала симпатий к Стенли Круассону, но мне пришло в голову, что появляться с пустыми руками не слишком удобно. Ведь следует создать доверительную атмосферу между нами. Я купила три пачки «Мальборо», резонно заключив, что они не окажутся лишними: если Стенли не курит, отдаст их друзьям по несчастью.

От длинных волос Стенли остались лишь воспоминания, а борода нуждалась в обстоятельной прополке. Он начал сутулиться и выглядел намного старше своих двадцати девяти.

Нас провели в какую-то маленькую обшарпанную комнатку с низким потолком и зарешеченным окном. Я решила, что эта неиспользуемая камера. Дышать было нечем, комнату не проветривали лет сто. Посередине ее стоял небольшой стол из тех, что обычно используется в забегаловках, и два простеньких стула из того же гарнитура. Наш конвоир остался стоять в дверях, а мы со Стенли расположились за столом.

Я выложила сигареты перед Стенли.

– Как вы узнали, что я курю «Мальборо»? – улыбнулся он.

Я поздравила себя с удачным началом.

– Женская интуиция! – усмехнулась я.

Проверенное средство. Я всегда ссылаюсь на женскую интуицию в таких случаях. Это сбивает мужчин с толку. Ведь они не понимают, что это такое, а многие даже отрицают ее существование.

– Большое спасибо!

– Не стоит благодарностей. Стенли, я бы хотела поговорить с вами о Рэйчел Лурье, – я не знала, уместно ли выразить ему соболезнования, помялась, но все-таки сделала это. – Я понимаю, что затрагиваю болезненную тему, и очень сочувствую вам, но мне необходимо знать: как по-вашему, кто-нибудь мог хотеть смерти Рэйчел? – запинаясь через слово, спросила я.

Стенли ссутулится еще больше. Он минуту помолчал, повертел двумя пальцами пачку сигарет, а затем произнес:

– Рэйчел... Сначала я просто хотел покончить с собой. Я думал, что ее по моей наводке убил Циклоп. Но потом инспектор сказал, что он все отрицает. Если он действительно не убивал Рэйчел, то выходит так, что я тоже не причастен к ее смерти. Но тогда кто же ее убил?

Нет, у этой девочки не могло быть врагов. Она считала, что зла не существует. Просто человек иногда заблуждается... Возможно, это повлияло на выбор ею профессии. Ее убийство совершенно бессмысленно. Я не знаю, кто ее убил, и не знаю зачем. Я все думаю об этом. Вы знаете, что мы собирались пожениться?

– Да, Стенли.

– Может быть, вам покажется это странным, но в уголовном мире такое иногда случается. Вы же знаете, что я отсидел полтора года за соучастие в ограблении банка? – я кивнула, и он продолжал. – Я был еще девятнадцатилетним мальчишкой, связался с одной компанией, наркотики и все такое... Нужны были деньги. Вот меня и подбили. Я был новичок, и меня поставили стоять на стреме. Копы выросли как из-под земли. Нас всех повязали. Мне дали два года, но за примерное поведение срок скостили. Кое-кто подумал, что я подсадная утка. Да и в тюрьме, если бы Одноглазый не заступился, меня бы просто сожрали живьем. Короче говоря, есть люди, имеющие на меня зуб. Может кто-то из них затеял поквитаться со мной и выбрал самое уязвимое место – мою невесту.

– Мне вовсе не кажется странным ваше предположение, Стенли.

– Не знаю. Но никто из моих старых дружков ни разу не давал о себе знать. Я не получал никаких угроз от них. После тюрьмы я устроился автомехаником в гараж и вел тихий образ жизни. Мне казалось, что со старым покончено, меня с ним ничто больше не связывает, но видно, я поторопился...

– Можете ли вы назвать этих людей, я имею в виду тех, кто по-вашему хотел бы отомстить вам.

Стенли назвал три имени, и я их прилежно записала.

Я поблагодарила Стенли за беседу и, снова помявшись, пожелала ему удачи.

Уже подходя к дверям, я решила на еще один вопрос.

– Скажите, Стенли, вы не жалеете о том, что сделали?

– Жалею... Но что теперь об этом говорить?

Инспектор Майлс занялся «друзьями» Стенли. У двоих из трех имелось железное алиби в виде железных решеток на окнах их тюрем, где они отбывали честно заработанные сроки. О третьем никаких данных в полиции не было. Инспектор изучил список участников пурим-шпиля, но даже бин Ладен не вызвал подозрений.

Визит к Стенли оказался не слишком продолжительным, и у меня осталось время на поездку в университет.

На медицинском факультете я легко отыскала кафедру психологии и встретила с научным руководителем Рэйчел профессором О'Коннором.

Высокий, с непропорционально узкими плечами, молодой профессор был остановлен мною в коридоре у входа на кафедру. Он взглянул на часы, извинился, что может уделить мне лишь пятнадцать минут, десять из которых он потратил на лекцию о научной деятельности Рэйчел в области когнитивной психологии.

Профессор выпрямил длинные, плотно сжатые пальцы и, как бы пытаясь разделаться с воображаемыми оппонентами, самозабвенно разрубал воздух в районе моего носа. Его речь плавно выливалась на меня, и не существовало сил, способных остановить эту фантазмагорическую лекцию. Я стояла по стойке смирно, вжавшись в стену коридора, и, как замороженная, глазами кролика следила за руками профессора.

Мне казалось, что я участвую в некоем психологическом эксперименте по исследованию влияния магических пассов на когнитивные способности человека. Эксперимент явно давал отрицательные результаты: из десятиминутного спича профессора у меня отложилось лишь то, что с уходом из жизни Рэйчел мировая наука, сама того не подозревая, понесла невосполнимую потерю. Можно без преувеличения сказать, что пара-тройка фундаментальных открытий

в области когнитивной психологии произойдут на несколько лет позже. Профессор долго и подробно излагал суть этих открытий, но его пассы не позволили мне вникнуть в них. Я так и не поняла, почему эти открытия не сделаны до сих пор, раз профессору О'Коннору все о них известно.

Профессор пребывал в абсолютном убеждении, что Рэйчел ждала серьезная научная карьера. Также он дал высокую оценку ее моральным качествам и особо отметил гражданское самосознание Рэйчел: она одной из первых записалась в отряд волонтеров и приняла активное участие в оказании помощи жертвам недавнего урагана в Нью-Орлеане.

Оставшиеся пять минут профессор отвел под ответы на вопросы. Опасаясь за сохранность своего носа, я отважилась лишь на один. Профессор с готовностью перечислил подруг Рэйчел: Рут Голдстейн, Эмма Киршенфельд и Патрисия Киркпатрик и был настолько любезен, что указал мне на огромный рыжий шар в толпе студентов. Этим шаром при ближайшем рассмотрении оказалась голова Эммы Киршенфельд.

Стог жестких выющихся рыжих волос венчал пухлое веснушчатое полудетское личико Эммы, но больше всего меня поразил парень, с которым она беседовала на весьма высоких тонах. Я узнала его даже сквозь так не шедшую ему маску презрения. Вот так встреча! Что же здесь делает Энтони де Сильва?

Я предпочла не мешать их не очень мирной беседе. Эта неожиданная встреча захватила меня. Эмма Киршенфельд и Патрисия Киркпатрик никуда не денутся. Но я должна выяснить, что делает здесь Энтони де Сильва без Рут Голдстейн!

Возможно, мне пришлось бы ждать очень долго, но перерыв между занятий закончился, и студенты лениво потянулись в сторону аудиторий. Когда рыжий шар удалился на приличное расстояние, я окликнула Энтони. Маска презрения сменилась маской недоумения.

– Мы с вами знакомы? Где-то встречались? – выпалил он.

– В Древней Греции.

Еще несколько секунд он напряженно вглядывался в меня, но все-таки вспомнил.

– Кажется, вас зовут Николь, – улыбнулся он. – Простите, трудно узнать человека в непривычном месте и наряде. В Древней Греции я бы вас точно узнал.

– Вы поджидаете Рут? – поинтересовалась я.

Улыбка сошла с лица Энтони. Немного помедлив, он ответил:

– Нет. Рут уехала в Сан-Джакобо. Сегодня день рождения Рэйчел. Ей исполнилось бы двадцать три.

– И вы решили воспользоваться ее отсутствием и навестить Эмму. Только Эмме, судя по всему, ваш визит не пришелся по вкусу, – я решила действовать напролом.

Энтони оглянулся, мне показалось, что он собирается просто удрать. Но он быстро совладал с собой.

– А вы работаете в полиции, Николь? Или Рут попросила вас следить за мной? – в его голосе зазвучали агрессивные нотки.

– Я не работаю в полиции. И Рут меня ни о чем таком не просила. Но я не стану отрицать, что хотя я и программистка, но имею к полиции некоторое отношение. Я работаю в консалтинговой фирме Генри Тамона, и иногда мы занимаемся детективными расследованиями.

– Вы хотите сказать, что это что-то вроде частного детективного агентства? – агрессивные нотки исчезли, сменившись заинтересованностью.

– Мой босс всегда это отрицает, – уклончиво, хотя и вполне правдиво, ответила я.

– Ну хорошо. Я отвечу на ваш вопрос. Да, я пришел сюда, чтобы встретиться с Эммой, но совсем не затем, о чем вы подумали.

– Да я ни о чем и не подумала, просто дала вам понять, что застала вас за разговором с Эммой, – честно призналась я.

– Послушайте, Николь, а вы не могли бы выяснить в полиции, была ли на этом злосчастном маскараде Эмма Киршенфельд?

– Могла бы, но... – такой поворот разговора сбил меня с толку. – Но зачем вам это? Почему вы не спросили об этом ее?

– Да я спрашивал, только эта бестия, эта шаровая молния, отказывается отвечать на мои вопросы.

– Что-то здесь происходит, – вслух подумала я. – Может мы зайдем в университетское кафе и пропустим по чашечке кофе?

Энтони принял мое приглашение, и мы спустились на нижний этаж.

Я неспешно потягивала черный кофе с тирамису и с удовольствием разглядывала своего симпатичного смуглого собеседника. Его живые черные глаза светились интеллектом. Выяснилось, что Энтони де Сильва параллельно с обучением в бизнес-школе подрабатывает программистом в одной частной компании и окончил мой колледж, только на три года позже меня. Это добавило ему доверия ко мне.

Постепенно Энтони сознался в том, что... ведет частное расследование убийства Рэйчел! Я была поражена. Что ждет сферу высоких технологий, если все программисты ринутся гоняться за преступниками?

– Зато преступников можно пожалеть, но мы этого делать не станем! – резонно отметил Энтони.

Мальчик начитался детективов и, оказавшись в эпицентре преступления, решил опробовать свои дедуктивные способности. Пока полиция занималась Биллом Лесли и Стенли Круасоном, Энтони взял другой след. Он мог пользоваться лишь доступной ему информацией, и поэтому главной подозреваемой для него стала... Эмма Киршенфельд!

Оказывается, эта «шаровая молния» несколько раз, когда Энтони встречал Рут после занятий, всячески выказывала интерес к нему, брала за руку, одаривала томными взглядами, подмигивала. Как-то в шутку Энтони даже пожаловался Рут на заигрывания Эммы.

Когда Рут как следует отсмеялась, она сказала, что если Энтони очень захочет, она уступит его ненадолго Эмме. Энтони подавился жвачкой, чем вызвал очередной приступ хохота у Рут. Состроив серьезное лицо, она посоветовала Энтони принять к сведению, что Эмма посещает сборища некой секты, то ли антиглобалистов, то ли сатанистов, то ли последователей еще какой-то нечисти. Даже как-то уговорила сходить туда чисто научным интересом. Психология групп.

Короче говоря, у Эммы Киршенфельд имелся убедительный мотив убрать с дороги Рут, и Энтони желал знать, имелась ли у нее такая возможность. Поэтому он и обратился ко мне с неожиданной просьбой. Я пообещала Энтони помочь ему, и мы расстались, причем заплатить за кофе мне не удалось. Как хорошо, что Максимилиан Нуар давно закончил университет... Мне было просто необходимо вспомнить о Максе в эту минуту.

Который раз за этот день я поменяла планы. Прежде, чем поговорить с Патрисией и Эммой, мне захотелось поделиться новостями с Генри, и я, не без труда отыскав на университетской стоянке свою красную «мазду», помчалась в офис.

Глава 11. Подруги

– Только сатанистов нам не хватало... – проворчал Генри, когда я закончила описывать сегодняшние приключения.

– А что вы скажете об Эмме?

– То же самое, что и о сатанистах. По-моему, эта «шаровая молния» не способна давать электричество... Или вы со мной не согласны, Николь?

– Я тоже с трудом представляю себе эту девушку со стилетом в руках. Но не ваши ли это слова, что ради любви...

– О чем вы говорите, Николь? – возмущенно перебил меня Генри. – Где тут любовь? Ваша Эмма просто похотлива как!.. Или нынешняя молодежь...

– Остановитесь, Генри! Давайте про молодежь поговорим в другой раз, – иногда мне удается держать босса в руках. – Но как вы относитесь к связке Эмма плюс сатанисты? Что если Эмма, получающая очевидную выгоду от убийства Рут, указала им на нее?

Генри завращал головой. Спустя некоторое время он нарушил молчание.

– Никогда нельзя отметить версию ритуальных убийств или, обратите внимание на место преступления, почему бы не предположить, что на еврейский праздник пробрался одурманенный пропагандой исламский террорист? Но исследовать эти версии нам нет ни малейшего смысла. Здесь нет ничего личного, а, следовательно, вычислить убийцу путем обычных логических рассуждений невозможно. Представьте себе, что вы ищете ошибку в программе, а оказалось, что пылинка устроила короткое замыкание...

– Ну это маловероятно...

– Конечно, это всего лишь хромающая аналогия. Ну хорошо. Как вы отнесетесь к детективному роману, в котором вдруг в конце выясняется, что жертву прикончила какая-то шальная пуля, да к тому же рикошетом? Разве что это пародия... – в голосе Генри заиграли хитрые нотки.

– Я соглашусь с вами, что это не имеет литературного смысла, но это вовсе не устраняет саму возможность. Ведь речь не идет о сюжете детективного романа...

– Да, я с этого начал. Но предоставьте эти версии полиции.

На следующий день я снова отправилась в университет.

Внешне Патрисия Киркпатрик была полной противоположностью Эмме, хотя не была полной. Ее темно-каштановые прямые волосы прикрывали плечи, небольшого роста, в протертых джинсах, без косметики – в общем она мало чем выделялась в толпе. Маленькая, неприметная, никакая. Не внешность, а мечта убийцы, подумала я.

Эмма и Патрисия согласились поговорить со мной. Они, точнее говорила только Эмма, а Патрисия скромно кивала головой и иногда поддакивала, сообщили мне, что поддерживали с Рэйчел дружеские отношения, но не слишком доверительные. Рэйчел была отличницей, отдавалась целиком науке. Даже не столь давнее появление на горизонте Стенли не сблизило ее с подругами: она категорически отказывалась обсуждать с ними свои отношения со Стенли. Но представить себе, что кто-то мог желать убить Рэйчел они не могли.

Памятуя лекцию профессора О'Коннора, я предположила, что может существует какое-то пересечение научных интересов, но девушки заверили меня в том, что научная работа Рэйчел находилась лишь в начальной стадии, и об ее успешном продвижении знал только профессор О'Коннор. А зачем ему убивать свою рабочую лошадку, ну совершенно непонятно.

Я извинилась перед Патрисией и сказала, что хочу задать еще пару вопросов лично Эмме. Патрисия пожала плечами и, попрощавшись, удалилась.

– Скажите, Эмма, что у вас произошло вчера с Энтони де Сильвой?

Мне показалось, что рыжий шар стал увеличиваться в диаметре. Умереть сегодня от удара шаровой молнии не входило в мои планы, тем более, что с утра никаких голубей в безоблачном, как будущее принцессы Монако, небе не наблюдалось.

У меня возникло с трудом преодолимое желание ткнуть Эмму указательными пальцами в пухлые щеки, чтобы она чуть приспустила пары, но я испугалась, что буду не так понята.

Придя в себя от моей наглости, Эмма сурово сообщила:

– С этим покончено. Это не тема для обсуждения.

Мне очень захотелось уточнить, что Эмма подразумевает под «этим», не Энтони ли де Сильву, но сдержала себя в рамках. Я извинилась и простилась с ней.

Я не надеялась встретиться сегодня с Рут, но это не помешало нам столкнуться у главного входа в университет, при этом она больно задела меня дорожной сумкой. Рут примчалась в университет, даже не заезжая домой. Поезд из Сан-Джакобо немного опоздал, а ей хотелось послушать какую-то важную лекцию. Но все-таки она согласилась немного поговорить со мной. Мы устроились на ближайшем подоконнике.

Родители Рэйчел очень страдают, единственная дочь, подававшая большие надежды. Особенно сдал отец. Его руки настолько дрожат, что трудно себе представить, как ему удастся продолжать работать ювелиром, скороговоркой выдала она.

К портрету Рэйчел Рут не смогла добавить ничего нового. Хорошая, добрая, отзывчивая девушка, но бесконечно увлеченная наукой, невероятно, как она находила время для Стенли. Да, она собиралась за него замуж, уже была назначена дата свадьбы, но пока держалась в тайне, хотя Рэйчел успела приобрести свадебное платье.

– Скажите, Рут, кто-нибудь мог бы желать ее смерти?

Лицо Рут помрачнело.

– Я понимаю, почему вы спрашиваете об этом именно меня, – довольно неприязненно ответила Рут. – Да, если бы Рэйчел куда-нибудь исчезла, то я смогла бы вернуть моего Стенли. Но я же вам уже говорила, что собиралась убедить Стенли в ошибочности его связи с Рэйчел. Если бы я убила Рэйчел и, допустим, смогла бы провести полицию, то Стенли бы все равно догадался...

– Да, я все помню, но я имела в виду, может кто-то еще мог желать ее смерти, – я прикусила язык, надо же как легко с него сорвалось это «еще», но извиняться я не стала. Рут, похоже, не обратила внимание на мою оговорку.

Она погрузилась в раздумье или сделала вид. Потом пожала плечами и произнесла:

– Нет, у нее не было врагов.

А я подумала: зачем нужны враги, если есть такие друзья?

Рут красноречиво взглянула на часы, и я отпустила ее на лекцию.

Глава 12. Генри Тамон находит смысл

Вечером я позвонила инспектору Майлсу и узнала, что Эмма Киршенфельд присутствовала на пуримшпиле в качестве овцы. Даже такие детали полиция сочла нужным зафиксировать. Я же подумала про волка в овечьей шкуре.

Конечно, инспектор допросил меня, желая выяснить, с чем связан мой интерес к данной персоне. Я ответила неопределенно, обещала обязательно сообщить, если появятся новости. Рассказывать ему про расследование Энтони де Сильвы мне не хотелось. Инспектор не поверил мне, но отпустил.

Я позвонила Энтони. Он выслушал мое сообщение без всякого интереса, мне даже стало обидно. Он извинился, сославшись на занятость, поблагодарил меня за труды и отключил телефон.

Генри не отреагировал на мои телефонные переговоры – он был полностью поглощен своими мыслями. Его голова медленно поворачивалась то в одну, то в другую сторону, доходя до упора. Могло показаться, что он борется с остеохондрозом шеи. На самом же деле это упражнение стимулирует роды очередной сногшибательной идеи. Я уже опытная повитуха и знаю, что в такие моменты его не следует тревожить.

Я занялась текучкой. Мне все-таки достался инсталляционный пакет Смитсона. Но закончить его я не успела. Генри прекратил медитацию и потребовал кофе.

Я принесла кофе и крекеры. Он сделал пару глотков, подождал, пока я сяду на место, и приступил к сшибанию меня с ног:

– Мы рассмотрели подробно версию с переодеванием и попыткой убийства Рут. Если не брать в расчет арабских террористов, то мотив имелся у Стенли (самостоятельно или с помощью Билла Лесли), Эммы, у кого-то еще, о ком Рут предпочитает умалчивать. У всех у них имелись и возможности. Более того, Стенли даже «заказал» Рут.

С другой стороны, мы рассмотрели версию, когда переодевание явилось выдумкой и тут же отбросили ее.

Затем мы допустили, что убийца знал, что убивает Рэйчел Лурье, и собрали информацию о Рэйчел, но не обнаружили ее врагов. Энтони де Сильва? Не понятно для чего ему это надо, разве что его кое-кто об этом попросил. И не надо в меня кидаться тапками.

– Да мне тапка жалко... Оставьте Энтони в покое! Это не тот человек, который убьет, даже если об этом его попросит девушка. Вы имеете в виду Рут?! Рут также не похожа на убийцу, и особого смысла убивать Рэйчел у нее не было.

– Я долго искал этот смысл и, кажется, нашел, – переходя почти на шепот, заявил Генри.

У меня пересохло в горле, и я привстала чтобы сходить за водой, но так и застыла в этой нелепой позе. Я должна была сначала узнать, зачем Рут убила Рэйчел.

– Все наши теории о том, что Рут нет смысла убивать Рэйчел основаны на словах самой Рут. Но вспомните, буквально все ее показания оказывались противоречивыми. Она утверждает, что выдумала угрозы Стенли, чтобы проверить Энтони. Она сама угрожает Стенли, но пытается обратить свои угрозы в шутку или просто дружеские предупреждения. Она утверждает, что любит Стенли и хочет вернуть его, но ни Энтони, ни сам Стенли этого не ощущают. Каким-то образом у тела Рэйчел обнаруживается любовная записка Стенли к Рут – да, это аргумент в пользу любви Рут к Стенли, если она не подкинула эту записку преднамеренно с целью изобразить эту любовь.

– Я согласна с вами, что Рут глубоко лжива и все время что-то скрывает. Но все это так сложно. И для чего же ей убивать Рэйчел Лурье?

– Минуточку, Николь, не гоните старых коней. Давайте представим себе, что Рут не так уж легко рассталась со Стенли. Едва ли причиной их разлада оказалась Рэйчел. Скорее, Стенли

увлекся ею, и она просто ответила на его чувство. Конечно, это не прибавило ей симпатий со стороны Рут, но едва ли породило смертельную ненависть. Предположим, что эту смертельную ненависть Рут затаила по отношению к бывшему другу. Это выглядит естественнее. Не вы ли говорили мне, что некоторые женщины мастерски скрывают свои истинные чувства? Разве Рут не из таких?

– Думаю, что из таких. Пока не нахожу слабых мест в ваших рассуждениях.

– А теперь представьте, какой шанс давал Рут маскарад плюс идея Рэйчел с переменной костюмов. Кстати, то что идея переодевания принадлежит Рэйчел, опять-таки известно лишь со слов Рут...

– Это имеет какое-нибудь значение?

– Нет, но возможно, это единственное правдивое сообщение Рут, – ухмыльнулся Генри. – Не исключаю, что именно эта идея подтолкнула воображение Рут, и она спланировала это преступление. Рут замыслила убить Рэйчел так, чтобы все подозрения пали на Стенли.

– Но она как раз все время пыталась выгородить его!

– Вы недооцениваете интеллектуальные способности этой девушки. Она видела, как кольцо стягивается вокруг Стенли, и считала, что полиция разберется с ним и без ее помощи.

– Теперь я понимаю, зачем ей понадобилось угрожать Стенли – она хотела получить встречные угрозы, но Стенли оказался решительным парнем и попытался заткнуть ей рот.

– Да, и навсегда. Но Рут опередила его. Что же касается угроз, то не получив их от Стенли, она выдумывает их и жалуется Энтони. Если бы Энтони не рассказал об этом, пришлось бы ей сообщить об этом самой, но из уст Энтони это звучало убедительнее, и Рут принялась якобы защищать Стенли.

– В итоге на сегодняшний день, Рэйчел мертва, Стенли за решеткой, пусть и вполне заслуженно, а убийца на свободе!

– Да, Николь. И нет доказательств – я изложил всего лишь непротиворечивую версию. Или вы можете мне возразить?

– Сразу не могу, я должна подумать.

– Кстати, должен вам признаться, на эту версию меня навела ваша беседа со Стенли Круассоном. Он выдвинул гипотезу, что кто-то ему мстит посредством убийства его невесты.

– Это интересно... И что вы намереваетесь предпринять?

– Как всегда в таких случаях хорошо помогают провокации. Например, подпустим кого-нибудь к Рут, мол видел, как ты убила. Заплатишь – буду молчать!

– Вы в своем репертуаре. И кого вы собираетесь подпустить к Рут?

– Как поживает мистер Максимилиан Нуар?

– Он же не годится на эту роль, Генри. Вы забыли, что он присутствовал на первичном допросе в общинном доме?

– Я помню, но наверняка у вашего адвоката там присутствовали какие-нибудь друзья или родственники. Знаете, говорят, все евреи – родственники!

– Хорошо, я спрошу у Максимилиана.

На следующей день Максимилиан Нуар, наконец, был представлен Генри Тамону. На светскую болтовню времени не было. Макс привел своего троюродного брата Майкла Абрамсона – одного из арлекинов. Майкл не производил устрашающего впечатления: роговые очки с сильными линзами на крючковатом носе, ростом ниже меня, аккуратно одет. Генри честно предупредил его, что реакция Рут может оказаться весьма агрессивной. Майкл как только мог задрал нос вверх и серьезным тоном заверил нас, что владеет несколькими приемами кунг-фу в стиле Вин Чун.

Мы долго спорили о величине отступных, которые следует запросить у Рут. Максимилиан настаивал на солидной сумме – клиент не должен заподозрить подвох. Генри же опасался,

что у Рут просто может не оказаться запрошенной суммы. Сошлись на ста тысячах долларов в рассрочку. Для выводов нам достаточно и первого взноса. Максимилиан согласился с этой суммой лишь потому, что Майкл не производил впечатления солидного джентльмена.

Договорились, что Майкл навестит Рут завтра рано утром, пока она не ушла на занятия в университет. Генри переговорил с инспектором Майлсом, чтобы его ребята, наблюдающие за Рут, не наделали глупостей. Пришлось посвятить его в суть провокации, но инспектор не возражал.

Глава 13. Неудавшиеся свидания с дамой

Около десяти утра Макс привез Майкла к нам. Майкл еле держался на ногах. Разбитый, но зато изрядно выпрямленный нос, синяк под правым глазом, очертаниями напоминающий орден за отвагу, утративший все пуговицы пиджак, рубаха в клочьях.

Я бросилась к аптечке и под вопли Майкла несколькими уверенными мазками йодом довершила портрет мужчины после неудавшегося свидания с дамой.

Я старалась комментировать все свои действия, чтобы держать Генри в курсе дела.

– Надеюсь, Майкл, вы ничем не обидели нашу девушку? – поинтересовался Генри.

– К сожалению, не могу себе позволить поднять на женщину руку, но должен сделать признание: очень хотелось. Эта фурия так налетела на меня, что я позабыл все эти китайские штучки.

– Чем она вас так отделала? – не удержалась от любопытства я.

– Вы не поверите, мисс, кулаками!

Я разыскала бутылку виски и налила полный стакан Майклу.

– Если вы уже в состоянии разговаривать, то присядьте и расскажите нам подробно, что же произошло, – попросил Генри.

Майкл и Макс уселись в кресла для гостей.

– Я сразу заявил этой красотке, что у меня к ней дело на сто тысяч долларов. Она с презрением посмотрела на меня, но предложила пройти в гостиную. Думаю, назови я сумму поменьше, она бы и не подумала впустить меня. Сесть не предложила, совершенно невоспитанная баба. Дело на сто тысяч обсуждать стоя? Я даже подумал, а не накинуть ли мне пару десятков тысяч от себя в качестве моральной компенсации. Ее лицо показалось мне знакомым. Я стал ломать голову, где же я ее встречал раньше. Но тут она предложила мне изложить дело в двух словах.

– Не допускаю мысли, что это могло у тебя получиться, – не удержался от «шпильки» Максимилиан.

– Получилось! Я сказал ей: «Ты убийца!»

– Bravo! И даже после этого она не предложила тебе стул?

– Нет. Она очень спокойно сказала, что я, видимо, ошибся квартирой. Я велел ей не болтать глупости, а выслушать меня. Я сказал ей, что видел как она в белом платье выбегала из туалетной комнаты, а убитая девушка лежала на полу. Ты мне наскучил, сказала она. Сейчас вызову полицию. Нет, сказал я, я сам пойду в полицию, если тебе не интересно со мной разговаривать. В общем так, говорю, сто тысяч за молчание. Можно в рассрочку. Только для тебя. Но последнюю фразу я сказать не успел, только подумал, как получил первый удар в нос. Тут я вспомнил, что встречал ее на занятиях кунг-фу. Она расщедрилась на еще один удар в нос, затем в глаз и пошло-поехало. Она лупила меня без остановки, хорошо еще, она не заперла входную дверь, я пытался пока не нащупал ее. Очки я потерял после первого удара, а без них я вижу плохо. Хорошо еще, что она проводила меня лишь до двери.

– Скажите, Майкл, чек на пятьсот долларов покроет ваши сегодняшние издержки? – спросил Генри.

– Сэр, вы меня обижаете, я просто хотел помочь Максимилиану, все-таки мы родственники как никак.

– Конечно, но никто не предполагал, что дело обернется столь печально для вас. Николь, пожалуйста, выпишите чек мистеру Абрамсону.

Я выписала чек и протянула Майклу. Он вопросительно взглянул на Максимилиана. Макс успокоительно кивнул, и Майкл дрожащей рукой прикарманил чек. Макс повез бедолагу домой.

– Мистер Нуар, если время вам позволяет, то, пожалуйста, загляните к нам, когда ответите мистера Абрамсона домой.

Максимилиан не возражал.

– Эээ... девушка, которая так лупит кулаками, не напрягаясь вонзит стилет... – сказал Генри, когда мы остались одни.

– А я решила, что Рут оправдана. Ведь она вела себя безукоризненно.

– С последним я согласен. К тому же ясно, что Майкл успешно сыграл свою роль: думаю, что у Рут если и появилось предположение, что Майкл работает на полицию, то сразу же и исчезло... – Генри не смог сдержать улыбки. – Но наш эксперимент мог дать нам возможность обвинить Рут, поймать за руку. Но он не в состоянии снять с нее подозрений.

– А что может снять с Рут подозрения?

– Хороший вопрос, Николь, хороший... Ну наверное, поимка убийцы.

Зазвонил телефон. Я взяла трубку. Выслушала, что мне сказали и положила ее на место. Я продолжала молчать, даже после того как Генри поинтересовался в чем дело. Лишь с третьей попытки ему удалось вывести меня из ступора.

– Убийцу поймали.

– И кто же убил Рэйчел Лурье, если это не секрет?

– Нет, этого не может быть! – я со всей силы огрела кулаком стол. – Арестовали Энтони де Сильву. Он пытался убить Рут.

– Но этого действительно не может быть... Ревность?

– Подробности инспектор обещал сообщить позже. Сказал только, что Энтони заявился к Рут домой, устроил скандал и напал на нее. Полицейские агенты, следящие за Рут, подоспели на помощь и с трудом оттащили его.

Пока мы приходили в себя от шквала новостей, вернулся Макс, а спустя некоторое время к нашей компании присоединился инспектор Майлс.

– Я слышал, что вас надо поздравить, инспектор, – без тени иронии заявил Генри.

– Ну поздравлять еще рано. Не будем с этим торопиться. Но факт остается фактом: этот с виду спокойный парень чуть не задушил Рут Голдстайн.

– Вы его допросили? – поинтересовалась я.

– Да, но он категорически отказался отвечать на вопросы.

– Может ему потребовался адвокат? – спросил Максимилиан, и все засмеялись.

– А что Рут? – спросила я.

– Нет, давайте вы мне сначала расскажете о вашей провокации.

– О, простите инспектор, события развиваются столь быстро, что мы просто не успеваем за ними, – постарался загладить нашу вину Генри. – Рут Голдстайн в самой категорической форме отвергла шантаж и вытолкала провокатора за дверь, предварительно хорошо отделав его.

– Так вот, Рут Голдстайн сообщила, что Энтони подослал к ней какого-то типа, вымогавшего у нее сто тысяч долларов, заявив, что является свидетелем и готов это подтвердить в полиции, что она убила Рэйчел, а затем с теми же обвинениями заявился сам. Сначала возникла бурная словесная перепалка, а затем Рут попыталась силой изгнать назойливого посетителя. Видимо, ваш провокатор серьезно истощил силы Рут, с Энтони ей справиться не удалось. Более того, Энтони принялся душить ее. Если бы не наши парни, он бы точно отправил ее на тот свет.

– Кстати, инспектор, надеюсь, что ваши парни не передали Рут приветы от вас? – спросил Генри.

– Да я же их об этом не просил! Они вызвали полицию, но, возможно, эта девушка, когда прошел шок, сообразила что к чему. Но я не уверен, что это теперь так важно.

– Я тоже, но хочется контролировать ситуацию.

– Не понимаю, почему этот парень отказывается сотрудничать с полицией. Что мы должны о нем думать?

– Я объясню вам, инспектор, – вмешалась я. – Его отец отсидел четыре года по ложному обвинению в убийстве, вышел из тюрьмы совершенно больным человеком и вскоре умер. Четыре года его адвокат пытался доказать, что обвинение было просто сфабриковано полицией. Этому доказать он так и не смог, но суд признал невиновность отца Энтони. Можете представить, с каким доверием он относится к полицейским.

– Откуда у вас такая информация, дорогая мисс?

– Из первоисточника. Энтони на днях рассказал мне об этом, когда мы беседовали в университетском кафе.

О боже, что у меня за язык такой? Максимилиан надулся как индюк.

– Дорогой инспектор, может вам стоит дать возможность Николь навестить Энтони в тюрьме?

– Я подумаю над вашим предложением. Если другого выхода не будет, то, пожалуй, мы вернемся к этому вопросу. Все-таки я надеюсь, что он заговорит. Спешить нам некуда. В любом случае, за нападение на девушку, да еще у нее дома, ему придется немного у нас погостить.

Когда инспектор ушел, Генри обратился к Максимилиану:

– Я хотел обсудить с вами, как с адвокатом, наши возможности найти достаточные доказательства вины Рут, но вы видите, ситуация столь резко изменилась, что я не уверен следует ли сейчас тратить на это ваше драгоценное время.

– О, вы можете располагать мною, мистер Тамон, – любезно ответил Макс. – Обратитесь ко мне, когда сочтете нужным.

Макс не смотрел на меня, и мне пришлось уйти из офиса вместе с ним, хотя последние события не способствовали возникновению романтического настроения.

Весь вечер я убажала Макса, выказывая преданность и любовь. Даже согласилась пойти с ним в кино. Я жевала попкорн, пялилась на Брюса Уиллиса, как безумная хохотала над глупыми шутками, топала ногами... Макс оценил мою жертву, и мне отпустили мои грехи.

Ночью я долго не могла заснуть. Чувствовала себя предательницей, но ничего не сумела с этим поделать. Я думала об Энтони де Сильве. Мне хотелось как-то помочь ему: я ни секунды не сомневалась в его непричастности к убийству Рэйчел. Но нападение на Рут и поведение на допросе делало его главным подозреваемым в глазах Кристофера Майлса.

Энтони производит впечатление очень уравновешенного парня, но в его жилах течет горячая бразильская кровь. Может он не сдержался, но как Рут удалось довести его до такого взрыва? Вопросы, вопросы... Мне бы поговорить с ним, возможно, мне удастся убедить его рассказать правду полиции или, по-крайней мере, мне. Нет, с чего это он откроется мне, ведь он знает, что я, хоть и на его стороне, но сотрудничаю с полицией.

Так ни на чем не остановившись, я уснула.

Проснулась часов в пять, еще было совсем темно. Хотелось пить. Я встала, выпила полстакана воды и улеглась обратно. Но сон не шел.

А что если Стенли нанял Одноглазого, чтобы убить не Рут, а Рэйчел? И что тогда? Билл убивает Рэйчел, но тогда у него имелось достаточно времени сбежать с места преступления. А если он из-за меня не успел покинуть туалет и прятался там, пока я не вышла, а затем по водосточной трубе спустился вниз? Трубы не доходят до земли и заканчиваются на уровне первого этажа. Он вполне мог оказаться на подоконнике туалета на первом этаже, спустившись туда по водосточной трубе. Окно было открыто, и поэтому никто не сомневался, что он вылез из окна первого этажа.

Но кто-то видел пирата на лестнице. А может его видели до убийства, или пиратов было несколько. Хорошо, что полиция записала и костюмы – это легко можно будет проверить.

Нет, я еще сплю. Какая разница кого хотел убить Билл! Он мог убить, но ему нет смысла это отрицать, его песенка спета. Нет, даже если он собирался или ему поручили убить Рэйчел, убил не он.

А может, это Рут наняла Билла Лесли? Я вспомнила рассказ миссис Саммерс и невольно улыбнулась. Нет, ведь Стенли признался в том, что Одноглазого нанял он. Полный бред!

А что если Стенли в сговоре с Рут? Но для чего ему убивать Рэйчел? Может они успели заключить церковный брак, и теперь Стенли хочет вернуться к Рут? Может Рут ждет от него ребенка? Что сегодня со мной, я же не смотрю сериалы! Но если Стенли в сговоре с Рут, и они наняли Одноглазого, то зачем им самим убивать? Кто же тогда убил? Энтони? Дьяволыщина! Можно сойти с ума. Остаются сатанисты.

Но эта мысль вызвала звонкий смех у моего будильника, за что он схлопотал по голове. Я залезла в душ и уже через час была готова двигаться в сторону работы.

Глава 14. Эмма Киршенфельд

Не успела я поприветствовать босса, как он заявил:

– Послушайте, Николь, а вам не кажется, что вчерашняя эээ... стычка между Энтони и Рут представляла собой не что иное, как разборку сообщников?

– Я вижу, вы, как и я, плохо спали этой ночью. Я рассмотрела все возможности кроме самоубийства Рэйчел.

– Ну да. Лучше уж арабские террористы, чем самоубийство.

– Так что же не поделили ваши сообщники? У одного из них заговорила совесть?

– Ну это я не знаю. Может, все-таки визит Майкла возымел последствия?

– Генри, но по вашей версии Рут затеяла это, чтобы отомстить Стенли. Полагаю, это свидетельствует об отсутствии у нее серьезных чувств к Энтони. Влюбленная женщина, не станет отвлекаться от предмета своей страсти. Какой же смысл тогда у Энтони с ней сговариваться?

– А что, если Энтони не знал об истинных целях Рут, а когда догадался, устроил ей то, что устроил?

– Но тогда как Рут удалось вовлечь в это дело Энтони?

– Например, она жаловалась Энтони на угрозы Стенли, пытаясь побудить его к действиям против Стенли.

– Простите, Генри, но я должна вас снова спросить, кто убил Рэйчел Лурье?

– Пожалуй, я соглашусь с вами, Николь, что моя версия хорошо объясняет лишь нападение Энтони на Рут. Но есть еще версия инспектора Майлса. Прямолинейная как, мат двумя ладьями. Энтони убил Рэйчел, потому что хотел убить Рут. Он на самом деле не знал о переодевании, но Рут для чего-то выдумала, что она открылась Энтони. Затем Энтони совершает вторую попытку убить Рут, но полиция мешает ему. Но оба они скрывают истинную причину своей вражды. Рут, вынужденная как-то объяснять нападение Энтони, пользуется «подсказкой» Майкла.

– Но тут столько натяжек, Генри.

– Ну да, дорогая мисс!

Наш смех был прерван телефонным звонком.

– Дорогая мисс! Я рад, что застал вас!

– Я к вашим услугам, инспектор.

– Мистер Тамон рассказывал мне, что вы встречались с университетскими друзьями Рэйчел Лурье. Что вы можете сказать об Эмме Киршенфельд?

– Эмма интересовалась Энтони де Сильвой и имеет какое-то отношение к сатанистам. Вот вкратце, что мне о ней известно. А что с ней случилось?

– Ничего серьезного. Мы ее арестовали.

– Арестовали?

– Да, видите ли вчера среди молодежи Нэшвилла было очень модно нападать на Рут Голдстейн.

– О боже мой!

Я прикрыла трубку рукой и сообщила новость Генри. Его голова пошла кругом.

– Эмма напала на Рут на улице. Она подняла капюшон и надела маску. Прямо пурим-шпиль какой-то. Она принялась наносить Рут побои, но наши парни задержали ее. Все-таки как хорошо, что мы установили наблюдение за Рут, – похвалил себя инспектор. – При обыске в кармане у Эммы обнаружена «визитная карточка» сатанистов, белый череп на черном фоне. На допросе Эмма показала, что не поделила с Рут Энтони де Сильву. Она выиграла его в карты, но Рут отказалась отдать его ей. Еще нам известно, что Рут вчера была у Эммы дома, что подтверждает версию Эммы. И Рут подтвердила показания Эммы.

– Такое впечатление, что Эмме захотелось в тюрьму поближе к своему возлюбленному.

– А у меня впечатление, что она ничего не знает об аресте Энтони де Сильвы.

– Я вам должна сказать одну вещь, инспектор.

– Да, дорогая мисс. Можете сказать мне много вещей.

– Энтони де Сильва вел собственное расследование убийства Рэйчел Лурье. Опираясь на имеющуюся у него информацию, он подозревал Эмму. Он даже выяснял с ней отношения по этому поводу. Я стала невольной свидетельницей этого.

– Что же вы мне раньше об этом не сказали?

Инспектор явно обиделся, даже опустил «дорогую мисс».

– Мы обсуждали это с Генри, – я решила свалить вину на босса, – но отвергли возможность убийства Рэйчел Эммой.

Генри сделал попытку забрать у меня трубку, но инспектор успел отключиться.

– Что скажете, Генри? Кажется, сатанисты шлют нам привет!

– Либо кто-то делает это за них! Вы же знаете, я все проверяю с двух сторон...

– Вы хотите сказать, что нападение Эммы на Рут преследует цель направить следствие в сторону сатанистов?

– Я не хочу это сказать, но вполне это допускаю. Почему бы не рассмотреть такой сценарий. Сначала к Рут врывается какой-то ненормальный и утверждает, что он все видел. Не проходит и часа, с обвинениями приходит Энтони. До сих пор Рут ведет себя на все сто. Она понимает, что если бы против нее имелись весомые улики, то полиция пришла бы к ней первой. Ни Майкл, ни Энтони не убедили ее, что владеют серьезной информацией. Она даже позволяет себе бравировать – рассказывает об обвинениях Майкла и Энтони. Но ее грызут сомнения: что-то явно против нее затевается. И тогда она задумывает еще один ход. С помощью Эммы (уж не знаю как они там между собой ладили) Рут пытается разыграть нападение на себя сатанистов, для чего у Эммы наготове их фирменный знак. Заглоти эту наживку полиция, Рут могла бы спать спокойно. Но как назло Эмму схватили на месте преступления. На этот случай припасена довольно глупая версия с карточным долгом.

– Согласно вашей теории можно предположить, что и нападение Энтони на Рут преследовало цель запутать следствие.

– Я не предполагаю, а допускаю... Можно допустить и это, но ведь Энтони действительно чуть не придушил Рут!

Так в бесплодных разговорах мы провели весь день, даже компьютеры не включали.

Глава 15. Доктор Ватсон догадался

А на следующий день Генри заявил, что пока не поступит новой информации, мы будем только работать, и включил компьютер. Мой компьютер долго не хотел загружаться, тихо ворчал – ему видно понравилось бездельничать, но все же сдался.

Даже за обедом мы обсуждали структуру сайта молочного завода, но так и не пришли к единому мнению.

Около двух позвонил инспектор Майлс.

– Кто на этот раз напал на Рут Голдстейн? – поинтересовалась я.

– Не знаю. Она исчезла.

– А... как же ваши наблюдатели?

– Получат по выговору. Утром она вызвала такси и отправилась на железнодорожный вокзал. Ребята сидели у нее на хвосте. Она взяла билет на пригородный поезд, влетела в вагон секунд за пятнадцать до отхода поезда. Ребята успели сесть в соседний вагон, но тут-то она их и кинула. Парни прочесали весь состав, но не смогли обнаружить ее. Вероятно, пройдя сквозь весь вагон, она в последнюю секунду выскочила из поезда через другую дверь.

– А как поживает Эмма?

– Дорогая мисс, с нее бы и начинали. Эмма призналась.

– Эмма убила Рэйчел Лурье? – чуть не в полный голос вскрикнула я.

Услышав это, Генри с такой силой откинулся на спинку кресла, что оно едва не перевернулось.

– Ну что вы, дорогая мисс, – посмеиваясь, успокоил меня инспектор. – Она призналась, что вчера днем Рут пришла к ней и попросила, не задавая лишних вопросов, немного поколотить ее. Но не сию секунду, а вечером и на улице и оставить карточку, однозначно указывающую на сатанистов. В обмен предложила уступить ей Энтони. Они договорились о согласованных показаниях на случай ареста Эммы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.